

СПЕЦСЛУЖБЫ

**вчера
и сегодня**

М. Алексеев

**Советская
военная разведка
в Китае
и хроника
«китайской смуты»
(1922–1929)**

Михаил Николаевич Алексеев
Советская военная
разведка в Китае и хроника
«китайской смуты» (1922-1929)
Серия «Спецслужбы вчера и сегодня»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104219

*Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922-1929) / М. Алексеев: Кучково поле; Москва; 2010
ISBN 978-5-9950-0085-3*

Аннотация

В труде освещена вся история работы советской военной разведки в Китае с ее успехами и неудачами от конца Гражданской войны до начала 30-х годов XX в.

Раскрыта масса новых, доселе неизвестных имен советских разведчиков и проанализированы результаты их работы.

Описание деятельности военной разведки дается на фоне сложных и противоречивых событий внутриполитической жизни Китая – "китайской смуты".

Работа снабжена комментариями и примечаниями и представляет интерес как для сотрудников спецслужб, так и для широкого круга читателей. Она является по существу

предысторией другого фундаментального труда – "Ваш Рамзай", посвященного советскому разведчику Рихарду Зорге.

Содержание

Пролог	5
1. Китайская империя и экспансия иностранных государств	5
2. Учреждение Китайской Республики и всплеск борьбы за власть в стране (1911– 1918)	26
3. Советская Россия и Китай после Первой мировой войны (1918–1922)	42
Глава 1	63
1.1. «Международная коммунистическая партия»	65
1.2. Усилия, предпринимаемые Советским Союзом по созданию в Китае дружественного государства (1922–1926)	91
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Михаил Алексеев Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929)

Пролог
**Китай – это больше, чем
отдельное государство, это
отдельная цивилизация**

1. Китайская империя и экспансия иностраннх государств

Китайская империя на протяжении всей своей истории являлась многонациональным государством, насчитывавшим 56 народностей. Однако подавляющее большинство – свыше 90 % населения – составляли ханьцы.

Надо сказать, что по численности населения Китай всегда намного опережал все прочие страны мира, избыточность людского ресурса порождала в китайском обществе, особенно в последние столетия, немало серьезных проблем. Повсеместно 15–20 % жителей в китайской деревне не имели ни земли, ни работы. В старом Китае постоянно голодали миллионы, каждый год десятки и сотни тысяч умирали голодной смертью. По официальным оценкам правительственных органов, население Китая по состоянию на 1931 г. значительно превышало 400 млн человек.

В XVIII – первой половине XX в. соотношение между сельским и городским населением оставалось достаточно стабильным, и в наиболее развитых районах низовий Янцзы городское население достигало 20 %.

С начала II в. до н. э. и до начала XX в. в Китайской империи официальной государственной идеологией являлось конфуцианство. Оно определило менталитет, образ жизни и систему ценностей в Китае вплоть до наших дней. Согласно этому учению, власть правителя (государя) считалась священной, дарованной Небом. Конфуций¹ сформулировал свой образ идеального человека в качестве модели для подражания – *цзюньцзы* (сын правителя, т. е. благородный).

Социальный порядок, по Конфуцию, заключался в том, что в государстве, как и в семье, старшие должны управлять, а младшие подчиняться и быть объектом заботы. Каждый должен знать свое место и выполнять положенные ему

функции – только тогда и будет достигнут высший порядок, а вместе с ним и желанная социальная гармония. Идеология Китайской империи утверждала неизбежность и необходимость иерархии в обществе и равенство между людьми признавала лишь как равенство возможностей в образовании, карьере или обогащении, т. е. как данность, устанавливаемую Небом. Для китайцев все общественные отношения определялись так называемыми пятью постоянствами человеческой жизни, а именно отношениями между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой, младшими и старшими, братьями и друзьями.

Отличие государства от семьи вполне осознавалось, но это было отличие вторичного характера, количественное, а не качественное. Заключалось же оно в том, что в отличие от отца в семье один государь не в состоянии управлять всеми, ему нужны хорошие помощники. Хорошими же помощниками могут стать лишь те, кто ориентируется на идеал цзюньцзы. Развивая идею социальной гармонии, Конфуций выдвинул идеал сяо – сыновней почтительности, лежавшей в основе возвеличенного им культа предков. Культ предков и сяо в принципе упорядочивали социальные отношения людей на низовом, массовом уровне.

Конфуций считал, что люди не равны и не могут быть равными по их положению в семье и обществе, но каждый должен хорошо уяснить свое место – при всем том, что оно не неизменно, а, напротив, меняется со временем и в зависимо-

сти от обстоятельств. И человек сам в определенной степени хозяин своей судьбы, ибо от него, его способностей, добродетели, стараний и иных качеств многое зависит в его жизни, несмотря на то что многие привилегии уже при рождении получают высокопоставленные, власть имущие и богатые. Но формально каждый человек, стремящийся к идеалу, может пробиться в высшее сословие.

К 1644 г. Китай был завоеван маньчжурами, и на всей территории страны упрочилась Цинская династия. Маньчжурский правитель – император – в соответствии с китайской традицией именовался Сыном Неба и считался лицом священным, посредником между Небом и людьми. Сын Неба совмещал в своей деятельности верховное законодательное и административное начала. Маньчжуры, насчитывавшие накануне завоевания 100-миллионной империи всего лишь 700 тыс. человек, утвердили свое господство над китайским народом. Завоеватели-маньчжуры составляли замкнутую касту. В китайской империи не было родовой аристократии. Правда, члены императорского дома имели знатные титулы, однако эта знать ограничивалась кругом родственников. Равным образом и военное сословие в Китайской империи не имело самостоятельного значения.

С древности правящий класс в Китае был представлен слоем «ученых-чиновников», обладающих властью благодаря своей образованности и добродетели. Позднее чиновники, обладатели ученых званий, получили собирательное на-

звание *шэньши*, т. е. «имеющие пояс», что являлось внешним признаком принадлежности к образованной части общества.

Помимо чиновников китайцы традиционно различали еще три «класса народа»: земледельцев (*пун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*).

В административном отношении китайская держава делилась на 18 провинций, во главе которых были поставлены губернаторы. Каждая провинция, в свою очередь, делилась на десять областей, а область состояла из уездов; во второй половине XVIII в. их было примерно полторы тысячи.

Китайцы с древности тщательно разработали принципы самого совершенного управления государством – управления с помощью бюрократии – и с большим искусством превратили их в жизнь. Бюрократическая концепция власти в Китае включала в себя следующие пункты:

- введение общих для всего государства законов и регламентов и строгое их исполнение;
- детальное разграничение обязанностей и компетенции всех подданных империи и в первую очередь государственных служащих;
- применение поощрений и наказаний в качестве средства контроля за подданными империи и привлечение на государственную службу наиболее достойных;
- учреждение эффективного надзора за соблюдением государственных предписаний.

Настойчивое применение правителями Китая этих принципов позволило со временем создать в стране достаточно компактный бюрократический аппарат, который сумел обеспечить единство и стабильность гигантской империи. Трехсотмиллионным государством к концу XVIII в. управляли всего 27 тыс. *шэньши* — чиновников (из них 20 тыс. — гражданские, 7 тыс. — военные).

Развитие императорского Китая невозможно представить без развития китайской бюрократии — слоя *шэньши* и всех сопутствующих этому слою социальных институтов. С этой точки зрения цинский Китай являлся в какой-то мере воплощением представления Конфуция об обществе, где не родовитость и богатство, а знания и образованность лежат в основе высокого общественного положения.

Со времени завоевания Китая маньчжурские императоры проводили политику строгой изоляции своей огромной империи от внешнего мира.

К началу XVII в. в России отсутствовало реальное представление о Китае. Сведения о том, что все государство окружено кирпичной стеной, склоняли к мысли, что территория Китая невелика. И все же в начале XVII столетия в Китай был отправлен томский казак Иван Петлин с целью установления торговых отношений. Это было первое после присоединения Сибири русское посольство в Китай. Петлин и его спутники выехали из Томска 9 мая 1618 г. Проследовав через Западную и Южную Монголию, в августе 1618 г.

они добрались до границ Китайской империи. Петлин вручил китайскому императору грамоту, предлагавшую установить торговые отношения с Китаем, после чего благополучно вернулся в Россию.

Практической пользы эта дипломатическая миссия не принесла, но она внесла важный вклад в изучение стран Дальнего Востока. Составленные И. Петлиным «Роспись Китайскому государству...» и «Чертеж Китайского государства» содержали важные сведения географического, этнографического и политического характера. При этом использовались не только собственные наблюдения, но и устные сведения, полученные от бурят («брацкого татарина») и русских пленников.

В 1654 г., после посещения Москвы монгольским послом, из Тобольска в Пекин был направлен боярский сын Федор Исаакович Байков с царской грамотой, подарками и 50 000 рублями. Он получил подробный наказ собирать сведения о дорогах и о возможностях торговли. Лишь через четыре года русский посол вернулся в Москву. Официальное поручение – установить с Пекином «приятную дружбу без урыву» – выполнено не было. Принят он был холодно, а китайские хроники расценили его появление как принесение дани от русского государя («белого царя»). Отказ выполнить унижительный придворный этикет и незнание языков существенно осложнили ведение переговоров.

Миссия Ф. И. Байкова сыграла значительную роль в исто-

рии изучения Китая. Статейный список Байкова с подробным описанием пути в Китай, китайских обычаев и нравов вызвал живой интерес. Копия списка попала к иностранным дипломатам в Москве и скоро стала известна в Европе во французском, латинском, немецком, английском и голландском переводах.

В 1675 г. в Китай было снаряжено особое посольство, во главе которого был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Спафарий (Милеску Николае Спэтарул). Посольству был придан характер научной экспедиции. В огромной свите Спафария находились образованные люди (главным образом греки) для отыскания лекарств, «для знатья каменного» и т. п. Были взяты с собой все необходимые инструменты. Поездка была тщательно подготовлена: сделаны выписки из западной литературы о Китае, выверены чертежи. В Тобольске Спафарий беседовал со ссыльным хорватом Юрием Крижаничем, который передал ему свои записки о китайских делах и «письмецо о китайском торгу».

Спафарий, получивший прекрасное образование в Стамбуле и служивший в качестве дипломата в странах Западной Европы, мог вести переговоры в Пекине через живших там иезуитов. От них же он сумел получить довольно много ценной информации о Китае. Сведения иезуитов подвергались проверке посредством опроса русских казаков, приезжавших в пограничные китайские города и близко общав-

шихся с местным населением. Спафарий оставил обширный труд с подробным описанием областей Китая, которые он смог посетить. Из литературных источников и со слов иезуитов он много узнал и о южной части Китая, о Японии, Корее.

И на этот раз дипломатические цели посольства достигнуты не были. Спафарий, несмотря на аудиенцию у самого императора Канси (1654–1722, император с 1662 г.), не получил от него даже ответной грамоты. Однако его труд «Описание первой части мира, называемой Азия, в которой находится Китайское государство с остальными городами и провинциями», написанный в 1677 г., вскоре стал широко известным в Европе и внес важный вклад в исследование Дальнего Востока.

Европейцы, появившиеся в Китае еще в XVI в., долгое время добивались для себя свободы торговли. На протяжении многих веков экспорт товаров из Китая преобладал над импортом. В Европе среди высших слоев общества огромным спросом пользовались чай, шелковые ткани, китайский фарфор. За купленные товары иностранцы расплачивались серебром. Китайский внутренний рынок, фантастически емкий по европейским масштабам, был ориентирован на местное производство. Английские торговцы упорно пытались навязать товар, который был бы принят китайским рынком. Но китайский рынок отторгал все, что ему предлагали, включая английское сукно и индийский хлопок. И все же такой товар в конечном счете был найден – им оказался опиум.

Опиум был известен в Китае как медицинское средство начиная с VIII в. Однако как наркотическое вещество опиум становится известен только с XVIII в. и широко распространяется среди жителей некоторых приморских провинций Южного Китая, превращаясь в серьезную общественную проблему. В 1839 г. по распоряжению генерал-губернатора в Гуанчжоу была конфискована и сожжена огромная партия опиума, принадлежавшего английским купцам.

Это и послужило поводом для вооруженной интервенции. Началась первая опиумная война, завершившаяся подписанием в 1842 г. Нанкинского договора, по которому пять портов Китая были открыты для иностранной торговли. В следующем году англичане добились от цинского правительства права экстерриториальности и создания своих поселений в открытых портах. Через год к этим неравноправным договорам присоединились Франция и США, а затем и другие европейские государства.

Задолго до этого (с 1715 г) Российская империя имела на китайской территории Русскую духовную миссию, официально направленную в Китай в целях «пастырского надзора за потомством албазинцев» (жителей даурского поселения Албазин на Амуре – спорной территории между двумя странами) и распространения христианства среди китайцев. Фактически Русская духовная миссия являлась негласным дипломатическим и торговым представительством России в Пекине, откуда поступала крайне ценная информация

о стране пребывания, закрытой для остального мира.

В 1858 г. был подписан Айгунский договор о русско-китайской границе. В этом же году между Китаем и рядом иностранных государств – Англией, Францией, США и Россией – были заключены Тяньцзинские договоры, которые значительно расширяли политические и торговые права иностранных держав в Китае. Однако спустя год китайская сторона отказалась от ратификации как Айгунского, так и Тяньцзинского договоров.

В марте 1859 г. в Пекин в качестве чрезвычайного посланника был направлен 27-летний генерал-майор Николай Павлович Игнатьев² с целью урегулирования спорных вопросов, относившихся к Айгунскому договору, и предоставления России прав на сухопутную торговлю во внутренних районах Китая. Вначале китайцы решительно отклонили предложения Игнатьева и предписали ему незамедлительно покинуть страну.

Тем временем англичане с французами открыли военные действия против Китая и в октябре 1860 г. заняли северную часть Пекина. Иностранные державы предъявили китайцам ультиматум, угрожая свержением маньчжурской династии и разрушением столицы. Императорский двор был в полной растерянности. Император бежал из столицы, оставив в качестве уполномоченного для ведения переговоров князя Гунна, своего младшего брата. В этот критический момент китайская делегация обратилась к генералу Игнатьеву с прось-

бой о помощи и посредничестве. Игнатьев к этому времени уже ознакомился с ультиматумом союзников и заручился их согласием на принятие посредничества. «Примите наши требования, – убеждал Н. П. Игнатьев китайцев, – обещайте следовать нашим советам в своих действиях и отношениях с союзниками, и я ручаюсь, что Пекин будет спасен и что маньчжурская династия останется на престоле.» Гун принял условия русского представителя и тем самым сохранил на троне маньчжуров.

14 ноября 1860 г. был подписан Пекинский договор. Гун объявил Н. П. Игнатьеву, что подписывает договор «...в знак благодарности за оказанные благодеяния».

Пекинский договор подтвердил Айгуньский и Тяньцзиньский договоры. Он определил восточную границу между владениями России и Китая. Согласно этому договору, Уссурийский край окончательно перешел под юрисдикцию России. Россия получила право беспошлинной сухопутной торговли вдоль всей восточной границы и в Кашгаре, в китайском Восточном Туркестане. В Урге (ныне Улан-Батор) и Кашгаре русскому правительству разрешалось учреждать свои консульства.

1860 г. ознаменовал новый этап проникновения западных держав в Китай. Агрессивные военные действия, развязанные Англией и Францией против Китая, закончились подписанием в 1860 г. Пекинских соглашений. Согласно этим соглашениям, иностранные государства получали право иметь

свои представительства в Пекине, заключать выгодные концессионные соглашения, их торговцам и миссионерам разрешалось свободно передвигаться по Китаю и покупать землю. Иностранцы создавали в Китае свои особые поселения – сеттльменты, на которые не распространялась юрисдикция цинских властей. Стали складываться европейские общины, которые имели свои клубы и ассоциации, издательства, газеты, банки и даже полицию. Как посредник между Китаем и Западом наибольшее значение приобрел Шанхай, который за короткий срок превратился в крупнейший порт и промышленный центр Китая.

В 1851–1864 гг. по Китаю прокатилось одно из крупнейших народных восстаний – Тайпинское восстание, направленное против Цинской династии. В первое время правительственные силы терпели поражения от восставших. Перелом в военных действиях был связан не столько с активностью войск центрального правительства, сколько с формированием по разрешению цинского правительства новых вооруженных сил – нерегулярных армий, находившихся под контролем китайских чиновников-военачальников в тех районах, по которым прокатились волны тайпинского нашествия.

Таким образом, были заложены основы явления, которое впоследствии получило название «региональный милитаризм» и имело весьма важные политические последствия для развития Китая. Суть его состояла в том, что ослаблен-

ная внутренними смутами и внешними вторжениями императорская власть была уже не способна удерживать страну в рамках системы централизованного контроля. «Региональными милитаристами» были не маньчжуры, а представители китайской по своему происхождению чиновничьей элиты. Региональные армии создавались уже по европейскому образцу и нередко имели иностранных инструкторов. Начался упадок традиционной китайской государственности.

В 1891 г. русское правительство приступило к строительству Великого Сибирского пути. Первоначально планировалось вести Транссибирскую магистраль по Амурской дуге – по российской территории. Однако министр путей сообщения и финансов С. Ю. Витте считал, что России следовало добиваться от Китая разрешения на строительство Сибирской железной дороги «по прямой» – через Маньчжурию к Владивостоку. Осуществление этого проекта должно было обеспечить быструю переброску русских войск на Дальний Восток, подчинить русскому влиянию экономику Маньчжурии и прилегающих к ней провинций, предотвратить японскую агрессию против Кореи.

В 1896 г. между Россией и Китаем был заключен русско-китайский «Договор о союзе и постройке Китайско-Восточной железной дороги» (КВЖД). Статья 1 договора предусматривала военный союз, который должен был вступить в силу в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею. В статье 4 договора указывалось, что «...

китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую и Гириинскую в направлении на Владивосток». В том же 1896 г. между китайским правительством и Русско-Китайским банком (был учрежден с участием русского и французского капиталов для реализации франко-русского займа Китаю), впоследствии – Русско-Азиатским банком, был подписан контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД. Это была юридическая фикция, имевшая своей целью скрыть участие русского правительства в проекте. Предусматривалось также учреждение Русско-Китайским банком Общества Китайско-Восточной железной дороги, которое и должно было осуществлять постройку и эксплуатацию железнодорожной магистрали. Для Общества КВЖД была избрана акционерная форма. Из всего пакета в 1000 акций (по 5 тыс. рублей каждая) 700 предназначались для русского правительства, 300 – для частных лиц (ими стали руководители Русско-Китайского банка).

По контракту России предоставлялось право эксплуатации дороги в течение 80 лет со дня открытия движения, после чего железная дорога бесплатно переходила во владение Китая. Вместе с тем китайскому правительству предоставлялось право «... через 36 лет выкупить эту линию, возместив полностью все затраченные капиталы и все сделанные для означенной линии долги с наросшими процентами».

Обществу КВЖД предоставлялись всевозможные приви-

легии: «...безусловное и исключительное управление своими землями», право сооружения телеграфа, доходы общества освобождались от налогов. Общество было свободно от какого бы то ни было контроля со стороны китайского правительства. Состав управления дороги, назначение и увольнение руководящих сотрудников подлежали утверждению русским министром финансов.

В 1903 г. строительство дороги было завершено. Протяженность линии составила более 7,5 тыс. км. На строительство КВЖД царское правительство потратило около 375 млн рублей золотом. Общество КВЖД в своих интересах приобретало пароходы для организации морского судоходства. Во многих портах Дальнего Востока были устроены склады, конторы и даже пристани. Общество владело телеграфом, телефонными станциями, производило добычу угля, заготовку древесины, вело разведку полезных ископаемых в различных районах Маньчжурии. Россия получила от Китая на территории КВЖД те же права и привилегии, что и другие державы в Китае: экстерриториальность в Маньчжурии для русских подданных, право ввести свои войска для охраны дороги в «полосе отчуждения» и пр. Полоса отчуждения – коридор вдоль Китайско-Восточной железной дороги шириной 9 верст (9,6 км) по сторонам от линии – стала своеобразным государством в государстве.

Согласно Русско-китайской конвенции 1898 г., Россия получала в арендное («полное и исключительное») поль-

зование на 25 лет Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Дальнянь) вместе с прилегающим водным и территориальным пространством (Ляодунский полуостров). Общество КВЖД также получало право на строительство соединительной ветви от одной из станций магистральной линии до Дальнего – южной ветки Китайско-Восточной железной дороги, получившей впоследствии название Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), от Дальнего до Чанчуня.

В сентябре 1899 г. правительство США обратилось к другим державам с нотой, в которой предлагалось соблюдать равенство возможностей в торговле с Китаем. В последующем эта инициатива получила название доктрины «открытых дверей».

20 июня 1900 г. пекинское правительство объявило войну иностранным державам. В столицу вошли отряды членов тайного общества «Ихэцюань» («Кулак, поднятый во имя справедливости и гармонии»), движение которых начало развиваться еще осенью 1898 г. в провинции Шаньдун. Ихэ-цюаньцы выступили против чужеземного засилья и совместно с цинскими войсками начали осаду иностранных миссий и концессий в столице Китая. Существенный ущерб был нанесен строившейся КВЖД. 40-тысячная армия из частей, представленных восемью державами (Великобритания, Германия, США, Франция, Россия, Япония, Австро-Венгрия и Италия), подавила восстание ихэтуаней («боксерское» восстание) и в августе 1900 г. заняла Пекин.

Победители не смогли договориться между собой относительно раздела Китая и решили сохранить у власти цинский двор, добившись от него дальнейших уступок, закреплявших, по существу, полуколониальный статус страны. Китай обязывался уплатить иностранным державам в течение 39 лет огромную контрибуцию в размере 450 млн таэлей. Для обеспечения уплаты контрибуции иностранные государства получили право контролировать процедуру сбора таможенных пошлин и соляного налога. Им разрешалось также иметь в центральной части столицы укрепленный «посольский квартал» и размещать свои гарнизоны в 12 других стратегически важных пунктах Китая.

На рубеже XIX–XX вв. в своем окончательном виде сложились сферы влияния западных держав. Регионом преимущественного экономического проникновения Англии стал юг Китая: Англия арендовала сроком на 99 лет большую часть полуострова Цзюлун с прилегающими островами, включая Сянган (Гонконг), а также провинции среднего течения Янцзы.

Согласно Симоносекскому договору, заключенному между Японией и Китаем 17 апреля 1895 г. в г. Симоносеки (Япония) после поражения Китая в Японо-китайской войне 1894–1895 гг., Япония отторгла от Китая о. Тайвань, получила огромную контрибуцию и право занятия промышленной деятельностью в Китае для своих подданных. Сферой влияния Японии стали также провинции нижнего течения

Янцзы (главным образом Фуцзянь).

Франция стремилась утвердиться в южных провинциях Китая, прилегавших к ее владениям в Индокитае (Юньнань, Гуанси, Гуандун).

Германия установила контроль над Шаньдуном.

Основные интересы России были сосредоточены в Маньчжурии, где нарастало соперничество с Японией.

Русско-японская война 1904–1905 гг. изменила расстановку сил в Маньчжурии. Согласно Портсмутскому мирному договору 1905 г., Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, признавала Корею сферой японского влияния и уступала Японии Южный Сахалин. Японии также отходила южная ветвь КВЖД – этот участок дороги Япония перестроила на свою колею.

В начале XX в. в провинциях Южного и Восточного Китая стали возникать различные антиманьчжурские организации. Одним из признанных лидеров революционного движения являлся Сунь Ятсен³. В конце 1894 г. Сунь Ятсен создал первую в истории Китая революционную организацию – «Союз возрождения Китая». Первоначально малочисленный союз объединил патриотически и антиманьчжурски настроенных молодых выходцев из социальных слоев, уже соприкоснувшихся с европейской культурой и западным образом жизни. Цели этой организации нашли свое отражение в клятве, которую произносили вступающие в союз: «...Из-

гнать маньчжуров, восстановить государственный престиж Китая, учредить демократическое правительство». В 1905 г. на основе объединения революционных организаций, в число которых входил «Союз возрождения Китая», был образован «Китайский революционный объединенный союз». В основу программы этой организации были положены сформулированные Сунь Ятсеном три «народных принципа»: национализм, народовластие и народное благосостояние. Под «национализмом» Сунь Ятсен понимал свержение Цинской династии и восстановление суверенитета китайской (ханьской) нации. «Народовластие» трактовалось им как ликвидация монархического строя и учреждение республики. Принцип «народного благосостояния» содержал в себе уравнивание прав на землю, т. е. проведение постепенной национализации земли путем введения прогрессивного налога на землю.

15 ноября 1908 г. умерла императрица Цыси, фактически правившая страной с 60-х гг. XIX в. За день до этого при не вполне выясненных обстоятельствах умер ее племянник, император Гуансюй, которого она отстранила от власти еще в 1898 г. Императором был провозглашен малолетний Сюань-тун (Пу И), от имени которого Китаем стал править его отец, великий князь-регент Цзай Фэн, брат Гуансюя.

Смерть императрицы Цыси ускорила подготовку к проведению императорским правящим домом конституционных реформ. Маньчжурские власти обещали ввести в стране кон-

ституционное правление в 1913 г. Однако все эти запоздалые меры, предпринимаемые правительством, были уже не в силах изменить ход событий и удержать у власти Цинскую династию.

2. Учреждение Китайской Республики и всплеск борьбы за власть в стране (1911–1918)

Углубление и обострение кризиса Маньчжурской империи в течение 1911 г. привело к тому, что осенью того же года мощный социально-политический взрыв положил ей конец: лишь три из 18 провинций собственно Китая формально еще признавали власть маньчжурского правительства.

В этих условиях цинское правительство призвало на помощь влиятельную политическую и военную фигуру – Юань Шикая⁴, находившегося в опале после смерти императрицы Цыси. Получив от цинского двора пост главнокомандующего и главы правительства, Юань Шикай наряду с военными действиями против революционеров начал секретные переговоры с отдельными группировками республиканского Юга Китая. Парадоксальность ситуации была в том, что Юань Шикай оказался приемлемой фигурой для самых различных политических сил. Умело маневрируя между маньчжурами и республиканцами, он готовился к захвату власти.

29 декабря 1911 г. конференция собравшихся в Нанкине представителей провинций, отделившихся от цинского правительства, избрала вернувшегося из эмиграции Сунь Ятсена временным президентом Китайской Республики и поручил

чила ему формирование временного революционного правительства. На базе конференции представителей провинций в последующем было создано Национальное собрание. 1 января 1912 г. стало днем официального провозглашения Китайской Республики. Республиканское правительство попыталось прежде всего отменить многие средневековые установления и обычаи. Были изданы указы, запрещавшие курение опия, применение пыток при допросах, торговлю людьми. Главным же достижением правительства в области нормотворчества были подготовка и принятие временной конституции Китайской Республики, разработанной под руководством Сунь Ятсена. Конституция провозгласила равноправие всех граждан «независимо от расы, класса и религии», право частной собственности и свободу предпринимательства, основные демократические свободы (неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, свобода организаций).

Иностранные державы тем временем продолжали признавать цинское правительство и передавать ему средства, собиравшиеся контролируемые ими таможнями на территории революционных провинций. Из-за этого республиканские власти лишались основного источника финансовых поступлений.

Юань Шикай, узнав об избрании Сунь Ятсена временным президентом, первоначально считал возможным пойти на соглашение с Югом только на основе признания конституци-

онной монархии. Однако окончательно убедившись в невозможности достигнуть соглашения на таких условиях, Юань Шикай решает принести в жертву монархический режим. 12 февраля 1912 г. он вынуждает вдовствующую императрицу от имени последнего императора Цинской династии – малолетнего Пу И отречься от престола. После 267-летнего господства в последних числах года *синьхай* (по традиционному календарю) рухнула власть маньчжурской династии.

На следующий день Сунь Ятсен сложил свои полномочия временного президента и выдвинул на этот пост Юань Шикая. 15 февраля 1912 г. Национальное собрание избрало Юань Шикая новым временным президентом. В августе 1912 г. в Пекине состоялся учредительный съезд новой партии, на котором к объединенному союзу присоединились еще четыре немногочисленные политические организации республиканской буржуазии. Новая партия стала называться Китайской национальной партией (Чжунго Гоминьдан) – Гоминьданом, руководителем которой стал Сунь Ятсен.

Правильность взятого курса на создание массовой парламентской партии подтвердили результаты выборов в парламент, на которых Гоминьдан добился убедительной победы (из-за различных ограничительных цензов в выборах принимало участие всего 10 % населения страны). Победив на парламентских выборах, Гоминьдан, естественно, претендовал на формирование правительства. Однако Юань Шикай не допустил перехода власти в руки Гоминьдана. 6 октября

1913 г. были проведены выборы президента, и Юань Шикай добился своего избрания. Последовала полоса международного признания республиканского правительства.

Опыт парламентской деятельности Гоминьдана в конечном счете закончился плачевно. В ноябре 1913 г. Юань Шикай со ссылкой на «пожелания провинциальных властей» издал указ о роспуске Гоминьдана и лишил гоминьдановских депутатов парламента их мандатов. Сунь Ятсен и многие его соратники по партии были вынуждены эмигрировать за границу.

В январе 1914 г., готовясь к установлению в стране своей единоличной диктатуры, Юань Шикай распустил обе палаты парламента. В мае того же года он заменил принятую ранее конституцию новой, согласно которой вся власть в стране – исполнительная, законодательная и судебная – оказывалась в руках президента.

В июле 1914 г. Гоминьдан был реорганизован Сунь Ятсеном в Китайскую революционную партию (Чжунхуа Гэминдан). Вновь брался курс на «политическую революцию». Основной задачей Китайской революционной партии объявлялась борьба против милитаристской клики Юань Шикая, за восстановление демократических учреждений и конституции 1912 г.

После начала Первой мировой войны китайское правительство объявило о своем нейтралитете и обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия

на территорию Китая, в том числе и на «арендованные» иностранными государствами китайские земли. Однако 22 августа 1914 г. Япония объявила о состоянии войны с Германией и высадила 30-тысячную армию севернее Циндао – центра немецкой колонии в провинции Шаньдун. После двухмесячной военной кампании Япония захватила германские владения в Шаньдуне, а также распространила свой контроль на всю территорию провинции.

С середины 1915 г. под предлогом усиления государственной власти и сохранения единства страны Юань Шикай развернул подготовку к реставрации монархии и провозглашению себя императором. Против подобных притязаний выступили не только его открытые противники, Юань Шикай потерял поддержку своих сподвижников. Уже в марте он вынужден был заявить об отказе от претензий на престол, а 6 июня 1916 г. Юань Шикай внезапно умер.

Гражданская война 1916 г. и смерть Юань Шикая имели огромные и неоднозначные последствия для истории Китая. Поражение Юань Шикая (вне зависимости от его смерти) было не только поражением наиболее махровой китайской реакции, но и провалом попытки сохранения единого и централизованного Китайского государства. Вслед за обрушением монархии дала трещину и бюрократическая вертикаль власти центра, что привело к распаду страны и сепаратизму провинций. Стихийные демократические настроения были использованы прежде всего местными военачаль-

никами, которые уже не хотели делиться своими доходами с центральным правительством и использовали сложившуюся ситуацию для утверждения своей бесконтрольной власти на местах для формирования так называемых милитаристских клик.

Старейшей и наиболее влиятельной была бэйянская (северная) милитаристская группировка, сложившаяся еще при маньчжурском режиме с участием Юань Шикая. После его смерти она оказалась под угрозой распада, продолжая формально объединять соперничавшие группировки, крупнейшими среди которых были фэнтяньская (мукденская), чжилийская и аньхойская. Название милитаристских группировок происходило от наименований провинций Фэн-тянь, Чжили, Аньхой, уроженцами которых были главари этих группировок. Во главе фэнтяньской клики стоял Чжан Цзолин⁵, чжилийскую группировку возглавлял генерал Фэн Гочжан⁶, пользовавшийся поддержкой генералов У Пэйфу⁷ и Цао Куня⁸, а аньхойскую – генерал Дуань Цижуй⁹. В 1918 г. возникает новая влиятельная политическая организация – «Клуб Аньфу», тесно связанная с Дуань Цижуюем и откровенно ориентированная на поддержку Японии. Название клуба переносится на аньхойскую клику, которую начинают называть аньфуистской.

В 1916–1919 гг. сложились главные военно-политические группировки бэйянских милитаристов, которые начали уста-

навливать свои законы взаимоотношений, баланса власти, использования атрибутов демократической республики, которая на деле оказалась «генеральской». Именно эти годы являются очень важными для формирования системы милитаризма и «правил игры» милитаристов.

Фактически независимыми были губернаторы провинций Шаньси и Шэньси, Янь Сишань¹⁰ и Чэнь Шуфань соответственно. Лагерь юго-западных милитаристов состоял из двух крупных группировок: юньнаньской и гуансийской во главе с губернаторами генералами Тан Цзияо¹¹ и Лу Жунтином соответственно. Борьба за политическое и военное влияние, за контроль над территориями и налогами шла не только между милитаристскими группировками, но и внутри них.

Китайский милитаризм нашел свое законченное выражение в так называемой системе дучзюната. Дучзюнами с 1916 г. стали именовать губернаторов провинций в Китае, совмещавших функции главы гражданской власти и командующего войсками (военного губернатора). Термин «дучзюн» был введен в 1916 г. Юань Шикаем. Система же дучзюната сложилась после подавления революции 1911 г. и фактической передачи гражданской власти в провинциях в руки командующих армиями, подчиненными центру. Полнота военной и гражданской власти в руках дучзюнов при одновременной слабости центрального правительства привела к тому, что весь послереволюционный период истории Китая превратился в непрерывную цепь войн между дучзюнами и

коалициями последних за раздел китайской территории.

Рядом с дучзюнами всегда находились подчиненные им генералы, стремившиеся освободиться от подчиненного положения и играть самостоятельную роль. Вскоре центр отказался от совмещения гражданской и военной власти в провинциях в одних руках, однако на местах далеко не везде согласились исполнить вышестоящее распоряжение.

Логика развития региональных милитаристских режимов и их социальная природа были весьма просты. Режимы эти опирались на открытую военную силу. Наемная армия давала силу для удержания власти в определенном районе, власть же давала возможность получать через налогообложение средства для вербовки солдат. Так складывался порочный круг функционирования региональных милитаристских режимов. По социальному происхождению среди милитаристов, естественно, преобладали выходцы из шэньшйско-чиновничьей среды. А кто другой еще мог занимать пост губернатора провинции, командующего войсками? Захватив власть, многие из них стремились (и не без успеха) «сколотить» себе состояние: захватывали и покупали землю, вкладывали награбленные средства в доходные структуры. Однако их политическое поведение определялось не социальным происхождением, не деловыми интересами, а стремлением к укреплению и расширению личной власти. Ради этого они вели друг с другом непрерывные войны, вступали во временные коалиции, признавали власть более сильных и под-

чиняли себе более слабых, искали (и находили) покровителей среди иностранных держав. Отсюда та легкость, с которой милитаристы меняли свою политическую ориентацию и своих политических союзников в поисках сильных зарубежных покровителей. Основным источником содержания милитаристских клик были налоги с землевладельцев, доходы от контроля над торговлей и промышленностью в пределах территории, на которую распространялась их власть, и получение денежных средств от иностранных держав. Так, фэнтяньская и аньхойская клики финансировались Японией, чжилийская – Англией и США.

В годы Первой мировой войны разведка Китая велась Главным управлением Генерального штаба с позиций аппаратов военных агентов и российских консульств, а также разведывательными отделениями штабов военных приграничных округов (Туркестанского, Омского, Иркутского, Приамурского) и Заамурского округа Пограничной стражи, действовавшего в полосе отчуждения КВЖД.

Должность военного агента в Пекине с 1915 г. исполнял полковник Н. М. Морель¹². Два его помощника – полковник В. В. Блонский¹³ и полковник К. А. Кременецкий¹⁴ – находились соответственно в Мукдене и Шанхае. К августу 1917 г. агентурная сеть военного агента в Китае насчитывала восемь человек (в Шанхае – 2, Учане – 2, Нанкине – 1, Пекине – 1, Калгане – 1, Цзинани – 1). Трое из этих агентов являлись разъездными, но ни одному из них так и не уда-

лось выбраться на Юг Китая, который, по словам Мореля, «...был охвачен продолжающимся революционным движением». Ценным агентом в Шанхае считался китаец-христианин, служащий книжной лавки, дававший сведения о немецко-корейской организации в Китае.

Более результативно работал так называемый негласный военный агент (сотрудник военной разведки под «прикрытием» консульства) в Цицикаре – полковник С. И. Афанасьев¹⁵. В агентурной сети консула Афанасьева, находившегося в Китае с 1910 г., было пять ценных источников, в том числе в окружении губернатора провинции Хэйлунцзян, в штабе командующего войсками, в артиллерийском депо. Однако частные успехи, достигнутые Афанасьевым, не могли изменить общую негативную картину организации и ведения разведки Китая.

Аппараты военных агентов и разведывательных отделений штабов военных округов были крайне малочисленны. Российский Генеральный штаб не сумел правильно оценить значение драгоманов (переводчиков с восточных языков) для разведки и вовремя закрепить их за соответствующими штабами военных округов. К тому же отзыв офицеров-восточников на фронт существенно ослабил ведение разведки в странах Дальнего Востока. В результате русская военная разведка на местах не смогла дать правильную оценку сложным процессам, проходившим в Китае, а Центр к этому времени не мог уже обеспечить адекватное руководство подчи-

ненными ему разведывательными структурами.

После смерти Юань Шикая президентом республики стал Ли Юаньхун¹⁶, ставленник юго-западных милитаристов. Он восстановил конституцию 1912 г. и собрал разогнанный Юань Шикаем парламент. Весной 1917 г. премьер-министр генерал Дуань Цижуй начал подготовку к вступлению Китая в войну. Однако против этого резко выступила Япония. Вопрос о вступлении Китая в войну стал активно обсуждаться еще с осени 1915 г. Инициатива в его постановке принадлежала русскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому. Изменение позиции Японии произошло только в начале 1917 г. не без влияния США. Разорвав дипломатические отношения с Германией (по существу формально) из-за объявления ею неограниченной подводной войны, правительство США обратилось к нейтральным странам (в том числе и к Китаю) последовать их примеру.

Президент и парламент страны выступили против инициатив Дуань Цижуй. В результате Ли Юаньхун лишился поста президента, парламент был распущен, а его депутаты бежали в Гуанчжоу (европейское название – Кантон). Пост президента занял Фэн Гочжан. Власть в Пекине сосредоточилась в руках Дуань Цижуй, который 1 августа 1917 г. объявил войну Германии и Австро-Венгрии.

Вступив в войну, Китай рассчитывал возвратить территории (Шаньдун), захваченные ранее Германией. Кроме того, участие в мировой войне давало Китаю право участвовать в

мирной конференции в числе других стран-победительниц. Участие Китая в войне выразилось в конфискации и передаче в распоряжение союзников германских и австрийских кораблей и судов, находившихся в китайских портах, и в отправке 175 тыс. рабочих на строительство укреплений в Европе и на Среднем Востоке. В последующем Китай участвовал в совместных со странами Антанты действиях в Сибири против якобы действовавших там отрядов германских военнопленных. Китайское военное присутствие в Сибири и на Дальнем Востоке продолжалось до 1920 г. Союзники, со своей стороны, согласились на отсрочку на пять лет платежей по «боксерской» контрибуции и увеличение таможенного тарифа.

25 августа 1917 г. в Гуанчжоу открылась чрезвычайная сессия старого, разогнанного пекинского парламента, на которой было объявлено о создании военного правительства во главе с Сунь Ятсеном и присвоении последнему звания генералиссимуса. Военное правительство провозгласило начало Северного похода под лозунгами защиты Конституции 1912 г.

Название «Северный поход» («Северная экспедиция»), о котором с пафосом говорили сначала Сунь Ятсен, а потом Чан Кайши¹⁷, никоим образом не следовало воспринимать буквально. Хотя конечная точка Северного похода была известна – Пекин, где всегда заседало враждебное Югу центральное правительство. Но сегодня там мог находиться

один враг, а завтра – другой, что и происходило в действительности. Путь же к Пекину пролегал через многие провинции, правители которых отнюдь не испытывали симпатий к «революционерам» с Юга. Не говоря уже о том, что провинция Гуандун находилась в самой южной части Китая, поэтому любой военный поход, не направленный в сторону Востока или Запада, был походом на Север. Ни Сунь Ятсен, ни впоследствии Чан Кайши так до Пекина и не дошли. Даже гипотетический захват Пекина не позволил бы окончательно объединить страну, так как оставался еще у власти правитель Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики Маньчжурии Чжан Цзолинь. На подвластные ему территории никто, кроме японцев, и не покушался. Тем не менее вся деятельность Сунь Ятсена была подчинена идее Северной экспедиции.

Реальными силами Сунь Ятсен не располагал, ибо войска, на которые он вынужден был опираться, принадлежали к различным милитаристским группировкам южных и юго-западных провинций. Лидеры этих группировок непрерывно враждовали между собой за контроль над богатым Югом страны. Более того, они не тратили все силы на борьбу с бэйянскими (северными) милитаристами, контролировавшими наиболее боеспособные соединения цинской армии, предпочитая в определенных обстоятельствах вступать с ними в политические сделки. В самом же Сунь Ятсене местные милитаристы видели политически популярное прикрытие сво-

их местнических действий. Все это очень скоро обострило отношения между союзниками. В мае 1918 г. чрезвычайная сессия парламента заменила главу военного правительства директорией из семи человек. Реальная же власть оказалась в руках гуансийского милитариста Лу Жунтина. Доктор Сунь вынужден был признать провал своих планов, вышел из правительства и возвратился в Шанхай.

Однако и бэйянские милитаристы не располагали достаточными силами для подчинения Юга и победы в гражданской войне. На Севере 4 сентября 1918 г. парламент избрал президентом Сюй Шичана, старого бэйянского деятеля. Его кандидатура не вызвала споров между аньхойской и чжилийской группировками.

Разгром правящей части господствующего в императорском Китае служивого сословия – бюрократии (за исключением верхушки бюрократии, возглавившей армии и захватившей руководство провинциями) привел к образованию своеобразного политического вакуума, так как новые политические силы, представлявшие нарождавшуюся национальную буржуазию, были еще слабы и не оформлены.

Политическая слабость буржуазии объяснялась в первую очередь тем, что китайский капитализм и китайская буржуазия не имели собственной предыстории, их возникновение явилось прежде всего результатом «открытия» Китая и привнесения туда развитых форм капитализма.

Особенности рабочего класса определялись небольшим

«стажем» капиталистического предпринимательства в Китае и полукOLONиальным характером капиталистической эволюции. Основным источником формирования рабочего класса было беднейшее крестьянство, поставлявшее неквалифицированную рабочую силу, а также ремесленники и городские низы. Преобладание легкой и пищевой промышленности предопределило распространение женского и детского труда. Одновременно китайскими и иностранными предпринимателями сознательно проводился курс на омоложение рабочего класса. Обеспеченным, по самым скромным оценкам, был лишь узкий слой высококвалифицированных пролетариев. Вообще кадровых рабочих насчитывалось всего несколько десятков тысяч человек, в подавляющем большинстве это были рабочие в первом поколении.

В наследство от императорского республиканский Китай получил тяжелейшее аграрное перенаселение, в значительной мере определившее производственный и социальный облик китайской деревни. В 1917 г. обрабатывалось примерно 1,5 млрд му земли (1 му равняется 0,067 га), что и определяло ничтожно малый размер среднего хозяйства – менее 20 му земли. Значительная часть сельского населения представляла собой безземельную бедноту.

Претензию на гегемонию в обществе заявили так называемые новые средние слои – служащие республиканских учреждений и капиталистических фирм, учителя и студенты, функционеры политических партий и общественных ор-

ганизаций, офицерство. «Новыми» они были потому, что с начала XX в. интенсивно шел процесс распада служивого сословия (шэньши) и разворачивался процесс формирования новой интеллигенции – служивой и неслуживой. Переходный характер всей социальной структуры Китая делал позиции новой интеллигенции весьма прочными, а относительно высокий образовательный уровень (всегда в Китае ценный) и причастность к политической организации позволяли не без успеха претендовать на лидерство в политической жизни страны.

3. Советская Россия и Китай после Первой мировой войны (1918–1922)

22 февраля 1918 г. Наркоминдел (НКИД) направил международным отделам краевых Совдепов инструкцию, в которой предписывал им в отношении к соседним народам руководствоваться принципами, изложенными в Декрете о мире. Сам же декрет следовало как можно шире распространять на местных языках. Что касалось Японии, НКИД требовал исходить из «...совершенно определенных захватных стремлений нынешнего наиболее реакционного в новейшей истории Японии правительства».

В отношении китайцев надлежало помнить, «...что нынешнее пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного Севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику». Наркоминдел не отказывался тем не менее от поддержания отношений с реакционным Пекином, но явно не считал возможным обсуждать с ним проблемы мировой революции.

В уже упоминаемой инструкции Народного комиссариата по иностранным делам краевые Советы депутатов надеялись правами предлагать кандидатов на должность консулов и контролировать их деятельность. Особая роль отводилась Владивостоку: кроме организации консульств в Восточ-

ной Маньчжурии, Хакодате и Корее краевое руководство было ответственно за установление контактов с Тяньцзинем, Чифу и особенно Шанхаем, «...так как в последнем центре многочисленная русская колония совершенно устранена от дел самоуправления реакционно настроенной кучкой банкиров и чиновников».

Положения первой инструкции Наркоминдела были развиты и закреплены в декрете, подписанном В. И. Лениным, Л. М. Караханом¹⁸ и В. Д. Бонч-Бруевичем лишь в октябре 1918 г. Это был удивительный документ – речь шла об учреждении консульств в странах, с которыми не поддерживались дипломатические отношения, но существовали «деловые отношения».

Руководство НКИД возлагало в то время большие надежды на то, что одним из первых государств, признавших РСФСР, станет Китайская Республика. Никто тогда не мог предположить, что Советская Россия будет официально признана китайским правительством, формально представлявшим весь Китай, только через пять с лишним лет. Поэтому решено было не мешкая направить в Китай консулов, но пока в качестве частных лиц. Никого не интересовало отсутствие подобных прецедентов в международной дипломатической практике – Великая Октябрьская революция могла диктовать свои правила игры.

Из нескольких кандидатур на пост консула в Шанхае Восточным отделом НКИД (прерогативу выбора кандидатов на

консульские посты НКВД оставил все-таки за собой) был рекомендован бывший полковник М. Г. Попов¹⁹, говоривший и писавший по-китайски и по-японски. На месте, в Шанхае, выяснилось, что Народный комиссариат по иностранным делам явно опередил события. Прежний российский консул В. Гроссе, подчинявшийся бывшему посланнику России в Китае князю Кудашеву, не собирался покидать свой пост. Через два месяца у Попова закончились деньги, и он остался в чужом городе без средств к существованию. Пришлось в начале 1919 г. вернуться во Владивосток для получения дальнейших указаний, где новые власти бросили его в тюрьму.

5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились японские войска, несколько позже – американцы, англичане, французы, итальянцы, поляки, румыны и китайцы. Так началась открытая военная интервенция на Дальнем Востоке. Захватив Приморье, интервенты вторглись в Приамурье и Сибирь. К концу 1918 г. их численность достигла 150 тыс. человек, в том числе до 75 тыс. японцев.

В конце 1918 г. по инициативе американского правительства начались переговоры об установлении общего контроля США, Японии и некоторых стран Европы над железными дорогами Сибири и Китайско-Восточной железной дорогой. Основная борьба развернулась между представителями Америки и Японии. В январе 1919 г. трудные американо-японские переговоры завершились подписанием соглашения «О надзоре над Сибирской железной до-

рогой и КВЖД». Позднее к соглашению присоединились Великобритания, Франция, Италия, Китай и правительство Колчака. Для осуществления контроля был создан Межсоюзный железнодорожный комитет. Японцы дважды пытались захватить линию Маньчжурия – Харбин, но дважды натолкнулись на противодействие местной китайской администрации. Межсоюзный железнодорожный комитет, просуществовав менее двух лет, с самого начала оказался нежизнеспособным, подорванным изнутри его участниками, прежде всего США и Японией. Союзники не смогли ни добиться политической стабильности и прекращения стачек и забастовок в полосе отчуждения, ни подчинить своему влиянию многочисленные военные формирования белогвардейцев, ни нормализовать деятельность дороги.

Китайское правительство рассчитывало, что на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.), созванной государствами – победителями в Первой мировой войне, великие державы откажутся от сфер своего влияния в Китае, что войска иностранных государств, находившиеся в стране, будут отозваны, что арендованные державами территории, равно как и территории иностранных селтльментов, будут возвращены Китаю и что стране будет предоставлена таможенная самостоятельность.

Однако этим ожиданиям не суждено было оправдаться. На конференции в Париже Китай даже не был признан ее равноправным участником. Более того, было принято уни-

зительное для Китая решение о передаче Японии бывших германских колониальных владений в Шаньдуне.

25 июля 1919 г. Народный комиссариат по иностранным делам опубликовал «Обращение правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». В обращении напоминалось о том, что рабоче-крестьянское правительство, взяв в октябре 1917 г. власть в свои руки, от имени русского народа обратилось к народам всего мира с предложением установить прочный мир. Основой этого мира должен был послужить отказ от всяких захватов чужих земель, отказ от всякого насильственного присоединения чужих народностей, от всяких контрибуций. Рабоче-крестьянское правительство вслед за этим объявляло уничтоженными все тайные договоры, заключенные с Японией, Китаем и бывшими союзниками. Советское правительство в своем обращении предложило китайскому правительству начать переговоры об аннулировании Договора 1896 г. «О союзе и о постройке КВЖД», Пекинского протокола 1901 г. («Боксерский протокол»). Переговоры по этому вопросу, говорилось в обращении, ранее уже велись до марта 1918 г. Однако западные державы сорвали их: «Не дожидаясь возвращения китайскому народу Маньчжурской ж. д., Япония с союзниками захватили ее, сами вторглись в Сибирь и даже заставили китайские войска помогать в этом преступном и неслыханном разбое».

Во время Гражданской войны проблемы внешней полити-

ки были второстепенными, но по мере ее окончания становились все более актуальными. Переход к нэпу выявил необходимость налаживания прерванных в годы Гражданской войны политических и экономических связей с окружающим миром. Жизнь требовала перехода от «революционной дипломатии» к нормальной практике межгосударственных отношений. Именно в эти годы из-за утраты надежд на немедленное развертывание социалистических революций в странах Запада, прежде всего в Европе, РКП(б) и Коминтерн делают первые шаги в разработке идеи «восточного маршрута» мировой революции, начинают активно искать в странах Востока, в том числе и в Китае, партнеров и союзников, формировать силы, способные включиться в антиимпериалистическую борьбу при поддержке и в союзе с коммунистами России. Азиатская ориентация Коминтерна и ЦК РКП(б), однако, не являлась альтернативой европейской: одно не исключало другого.

Общие контуры политики Советской России и Коминтерна в странах Востока были сформулированы в решениях II конгресса Коммунистического интернационала (июль – август 1920 г). Они предусматривали, во-первых, активизацию усилий по формированию в странах Востока коммунистических групп – в перспективе партий, способных стать проводниками политики Коминтерна, пропагандистами идей марксизма и организаторами коммунистического и национально-освободительного движения. Во-вторых, исходя из того,

что в странах Востока влияние идей коммунизма длительное время будет ограниченным, а национально-освободительные революции на «предстоящем» этапе «будут» по своему характеру буржуазно-демократическими, в решениях II конгресса была выдвинута задача поддержки коммунистами буржуазно-демократических, прежде всего национально-революционных, движений. Оставалось только неясным, какие силы могут быть отнесены к участникам национально-революционных движений. Это были общие установки, которые предстояло конкретизировать в ходе практической деятельности в условиях каждой страны.

В январе – апреле 1920 г. военные силы интервентов (кроме японцев) были эвакуированы с Дальнего Востока; последние японские части покинули Южное Приморье 25 октября 1922 г., а Северный Сахалин – в 1925 г.

6 апреля 1920 г. было объявлено об образовании между РСФСР и Японией Дальневосточной республики (ДВР) на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это был вынужденный шаг. Позднее, в декабре 1920 г., В. И. Ленин отмечал: «Обстоятельства принудили нас к созданию буферного государства – в виде Дальневосточной республики... Мы прекрасно знаем, какие неизмеримые бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма... Но, тем не менее, вести войну с Японией мы не можем и должны сделать все, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она

по понятным условиям совсем непосильна». Следует оговориться, что власть ДВР распространялась отнюдь не на весь регион. Одновременно существовали «читинская пробка» – белое семеновское правительство Забайкалья, которое пало только в октябре 1920 г. после эвакуации японских войск из Забайкалья, а также временное правительство Приморья – Приморская областная земская управа.

В августе 1920 г. пекинское правительство уведомило советское правительство о том, что оно согласно приступить к переговорам об установлении дипломатических отношений. До этого пекинские власти уклонялись от переговоров с Советской Россией, признавали посланника Российской империи Кудашева и продолжали до сентября 1920 г. выплачивать ему русскую часть «боксерской» контрибуции.

Летом 1920 г. в Пекин прибыла делегация Дальневосточной республики во главе с заместителем военного министра И. Л. Юриным²⁰. В Москве в это время находилась военно-дипломатическая миссия Чжан Сылиня. Переговоры с самого начала натолкнулись на большой ряд трудностей, связанных, главным образом с вторжением войск ДРВ и Советской России в Монголию.

27 сентября 1920 г. китайской стороне было вручено «Обращение правительства РСФСР к правительству Китайской Республики» с изложением основных пунктов, которые советское правительство предлагало взять за основу будущего советско-китайского соглашения. Этот документ являл-

ся развитием положений, изложенных в «Обращении правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. Во втором документе отсутствовала апелляция к правительству Южного Китая, которое за прошедший после первого обращения год было свергнуто.

В своем втором обращении правительство РСФСР объявляло «...не имеющими силы все договоры, заключенные прежними правительствами России и Китаем», отказывалось от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращало «...Китаю безвозмездно и на вечные времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией». Российское и китайское правительства соглашались также «...заключить специальный договор о порядке пользования Китайско-Восточной железной дорогой для нужд РСФСР...».

Переговоры, проходившие в Москве и Пекине, несмотря на неудачу, имели тем не менее известные результаты. В Китае была окончательно ликвидирована царская миссия, пекинское правительство отказалось от уплаты членам этой миссии не только доли «боксерской» контрибуции, но и от содержания членов миссии из этой суммы. В сентябре 1920 г. было закрыто 19 консульств бывшей Российской империи в Китае, право консульской юрисдикции для русских белогвардейцев было отменено, русская концессия в Тяньцзине была передана в управление китайской администрации.

Шанхай с первых дней стал узловым пунктом всей деятельности Советской России в Китае. Еще в августе 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобрило тезисы о коммунистической работе среди восточноазиатских народов. В сентябре 1919 г. во Владивосток с директивой Политбюро об организации «непосредственных практических действий» в Восточной Азии (Китай, Корея, Япония) прибыл В. Д. Виленский-Сибиряков²¹. Его усилиями в Шанхае к маю 1920 г. был создан Дальневосточный секретариат III Коминтерна – «Восточный секретариат III Коминтерна». Вся работа секретариата направлялась через входившие в него секции: китайскую, корейскую и японскую, которая оставалась «пока в зачаточном состоянии».

Уже весной 1920 г. при Владивостокском отделении РКП был образован Иностранный отдел, который в апреле отправил в Китай (г. Пекин) группу коммунистов во главе с Г. Н. Войтинским²² с целью изучения политической ситуации и установления связей с прогрессивными деятелями. Этим было положено начало планомерной организационной работы в странах Дальнего Востока и в первую очередь в Китае. Группа Войтинского быстро нашла взаимопонимание с китайскими сторонниками марксизма. По ее инициативе и при ее помощи стали создаваться первые марксистские кружки.

Такой кружок был организован в июле 1920 г. в Шанхае. Его руководителем стал Чэнь Дусю²³. В формирова-

нии первых коммунистических ячеек в Китае Войтинскому и сотоварищи оказывали помощь эмигранты-интеллектуалы – профессора Тяньцзиньского и Пекинского университетов С. А. Полевой²⁴ и А. А. Иванов²⁵ (анархо-синдикалист), а также старые социал-демократы Е. А. Ходоров и А. Ф. Агарев, имевшие тесные связи с левыми кругами Китая.

Социальный состав первых марксистских кружков был неоднородным. Среди первых сторонников марксизма рабочих еще не было, преобладала передовая учащаяся молодежь, в основном вышедшая из социально привилегированной среды. С 23 по 31 июля 1921 г. в Шанхае нелегально прошел съезд представителей марксистских кружков, ставший и первым съездом Коммунистической партии Китая (КПК). На съезде присутствовало 13 делегатов от семи кружков, насчитывавших 53 человека. Большинство участников съезда выступили за создание боевой, дисциплинированной и хорошо организованной партии большевистского типа, цель которой – установление диктатуры пролетариата.

Новая обстановка требовала легализации узкой, конспиративной организации, каковой являлась на тот момент партия Сунь Ятсена, и 10 октября 1919 г. Китайская революционная партия была реорганизована в Китайскую национальную партию – Гоминьдан, существовавшую ранее. Однако деятельность повторно созданной партии не отличалась активностью, да и в организационном отношении она не была четко оформлена.

В июле 1920 г. на Севере Китая к власти пришла коалиция фэнтяньских (мукденских) и чжилийских милитаристов, которые свергли пекинское правительство Дуань Цижуня. Было сформировано новое правительство, в котором ведущую роль играл У Пэйфу.

В октябре этого же года военный губернатор провинции Гуандун генерал Чэнь Цзюньмин²⁶ захватил власть в провинции и предложил Сунь Ятсену пост в сформированном правительстве.

Существуют различные, причем документально подкрепленные полярные точки зрения на то, кто был больше заинтересован в контактах друг с другом – Советская Россия или Сунь Ятсен и кому первому принадлежит инициатива установления взаимных контактов. Следует отметить, что обе стороны исходили прежде всего из соображений политической конъюнктуры. В первую очередь это касалось советского руководства. Чаще всего, особенно на первых порах, когда контакты набирали силу, неоднократно выяснялось, что Сунь Ятсен оказывался лишенным всех правительственных постов и представлял собой только частное лицо. Но как бы то ни было, доктор Сунь Ятсен воспринимался в Москве как главная фигура народно-освободительного движения в Китае.

Сунь Ятсен, со своей стороны, решился на сотрудничество с Советской Россией лишь после провала попыток получить поддержку со стороны капиталистических держав и

ряда поражений во внутривластической борьбе. При этом им двигало не только стремление получить финансовую и военную помощь, но и желание позаимствовать у победоносных большевиков кое-что из их революционного арсенала, их «технологию» революции, опыт государственного и военного строительства. Представляется, что именно Сунь Ятсену после такого количества провалов и измен со стороны союзников – милитаристов такая помощь-сотрудничество была просто необходима; других союзников, на которых можно было бы положиться, больше не просматривалось. Разве что далекий и сомнительный Чжан Цзолин. Единственно, на чем настаивал Сунь Ятсен, это на сохранении конфиденциальной формы отношений с русскими. Первыми, кто весной 1920 г. встречался с Сунь Ятсеном, были бывший генерал-майор А. С. Потапов и упоминавшийся уже бывший полковник М. Г. Попов.

А. С. Потапов был наделен широкими полномочиями и, вернувшись в Москву, представил ряд докладных записок сначала в НКВД, а затем в Коминтерн. Он привез с собой и письмо Чэнь Цзюньмина, адресованное В. И. Ленину. Потапов передал и свое личное письмо Владимиру Ильичу. При всей путанице в названиях и именах бывшему генерал-майору удалось дать довольно объективную оценку обоим лидерам и разглядеть принципиальную разницу в позициях Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина. Это были два разных пути развития Китая; более того, это были два пути развития совет-

ско-китайских отношений. И симпатии Потапова были на стороне Чэня.

О встречах полковника Попова (судя по всему, имевшему мандат Приморской областной земской управы) с Сунь Ятсеном можно судить только по иностранным источникам. Результат встречи и здесь оказался не в пользу китайского лидера. Доктор Сунь предложил так называемый СевероЗападный план – то есть введение частей Красной армии через Туркестан в северо-западные провинции Китая для дальнейшего похода на Пекин. План этот с военной точки зрения показался Попову в высшей степени сомнительным. А по сути, это было предложение использовать одних «милитаристов» (в данном случае русских) против других – китайских. О военных инициативах Сунь Ятсена и их развитии еще пойдет речь.

В 1920 г. в Шанхае и Кантоне Сунь Ятсен встречался и беседовал с Г. Н. Войтинским, а в следующем году – с работником Коминтерна Г. Марингом²⁷.

В ноябре 1920 г. Сунь Ятсен передал советскому правительству предложение о том, чтобы «...Красная армия начала свое наступление весной (1921 г. – *Авт.*) со стороны русского Туркестана на Синьцзян». И это предложение было принято.

В начале 1921 г. части Р. Ф. Унгерна-Штернберга вытеснили китайские войска с территории Внешней Монголии. По просьбе «Временного народного правительства Монголии»

РСФСР оказала военную помощь для борьбы с белогвардейцами. В мае 1921 г. Красная армия, наступая из Западного Туркестана, вошла на территорию Внешней Монголии и Синьцзяна (Китайского, или Восточного, Туркестана).

Если из Синьцзяна РККА в дальнейшем пришлось отвести свои войска, то Внешняя Монголия была надолго превращена в «передовой форпост Коминтерна в Центральной Азии».

5 ноября 1921 г. был подписан советско-монгольский договор об установлении дружественных отношений. Монголия стала первой страной на Дальнем Востоке, с которой Советская Россия установила дипломатические отношения.

В апреле этого же года в Гуанчжоу (Кантоне) открылась чрезвычайная сессия избранного в 1912 г. китайского парламента, который абсолютным большинством голосов избрал Сунь Ятсена чрезвычайным президентом Китайской Республики. Формально в состав вновь провозглашенной республики вошли пять южных провинций. Но союз их был эфемерен, а Сунь Ятсен не контролировал полностью даже единственную провинцию Гуандун, которую стремился сделать базой революционных сил страны, оплотом объединительного похода на Север Китая. Пекинское правительство и иностранные державы заявили о непризнании результатов президентских выборов в Гуанчжоу. Таким образом, помимо двух парламентов – в Пекине и Кантоне – в Китае оказалось и два президента.

Практически вплоть до съезда народов Дальнего Востока (январь – февраль 1922 г.) представители Коминтерна ориентировались прежде всего на форсирование развития компартии Китая и коммунистического движения в стране, рассчитывая на относительно быстрый его рост за счет установления связей партии с рабочими, солдатами и учащейся молодежью. Предполагалось, что практически с первых шагов компартия Китая может ставить своей целью борьбу за социализм и размежевание с непролетарскими политическими организациями.

Съезд народов Дальнего Востока рекомендовал КПК наряду с выполнением главной задачи партии – классовое воспитание и организация пролетариата – создать единый национальный антиимпериалистический фронт с революционной демократией в лице Гоминьдана.

После переговоров представителя Коминтерна Г. Маринга (Х. Снейвлита) с Сунь Ятсеном и другими деятелями Гоминьдана Исполком Коммунистического интернационала одобрил летом 1922 г. идею о вступлении коммунистов в Гоминьдан. Несмотря на негативное отношение руководителей КПК к Гоминьдану, они подчинились этому решению Коминтерна. По сути, речь шла о тактическом маневре, направленном на создание внутри Гоминьдана устойчивых коммунистических групп, о расколе Гоминьдана и завоевании коммунистами руководства в национально-революционном движении.

Значение Китая в политике Коминтерна и, соответственно, в планах мировой революции трудно переоценить. Оно было сравнимо разве что с тем значением, которое на Западе имела для Коминтерна Германия.

С целью закрепления на правовой основе изменений в международной обстановке на Дальнем Востоке и в ЮгоВосточной Азии состоялась Вашингтонская конференция девяти ведущих государств с участием Китая²⁸ (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.). Решения Вашингтонской конференции служили своего рода «дальневосточным дополнением» к Версальскому мирному договору 1919 года. Делегации Советской России и ДРВ на конференцию приглашены не были.

На Вашингтонской конференции потерпела крах попытка установить режим интернационализации КВЖД. Проблема Китайско-Восточной железной дороги вновь вернулась в плоскость советско-китайских отношений.

Состав милитаристских группировок в Китае постоянно менялся – создавались новые и распадались старые коалиции, что сказывалось и на составе контролируемых ими территорий. Неизменными оставались лишь имена: Чжан Цзолинь, У Пэйфу, Цао Кунь, Дуань Цижуй, Янь Сишань и др. Вчерашние заклятые враги становились ненадолго «верными и преданными» союзниками. И так из года в год – до Сунь Ятсена, при нем и после его смерти. Подобная коллизия во многом объяснялась вековыми традициями китайцев,

их неизменным отношением к войне и особенностями китайского менталитета.

Китайская военная наука всегда руководствовалась, по сути, одной доктриной, предполагавшей, что настоящий воин побеждает не воюя. Столь сдержанное отношение к войне имело свои объективные причины: даже успешные войны с сопредельными странами не столько обогащали страну, сколько разоряли ее. Китайские императоры не имели ни ресурсов, ни, в сущности, потребности для расширения границ своей державы за счет степей на севере или горных массивов на западе. Колонизация же Юга была осуществлена в основном мирным путем.

Китайский стратег избегал открытого противоборства прежде всего потому, что всякая конфронтация, по его мнению, была непродуктивна, разрушительна для обеих сторон. Как гласит старинная китайская поговорка, «когда дерутся два тигра, воронью и шакалам будет много поживы». Китайский стратег побеждал потому, что умел уступать. Он добивался своей цели, лишь следуя выпадам противника. Китайская мудрость состояла в «победе без боя». Отсюда и другая старинная китайская поговорка: «Уход – лучшая стратегия». Соображения же репутации и престижа были несущественны там, где речь шла о жизни и смерти и о сохранении для себя возможности вернуться и победить.

Отчего вообще умение уступить помогало одержать верх в конфликте? Считалось, что ответ очевиден: только сжатая

пружина может больно ударить. Это не совсем так. У китайской пружины всегда был ограничитель, который смягчал силу ее удара. Китайский военный теоретик и полководец Сунь-Цзы, живший в VI в. до н. э., автор древнейшего в мире трактата «Искусство войны», рекомендовал: «Окружая неприятельскую армию, оставляйте хотя бы один проход свободным. Не нажимайте слишком сильно на врага, уже находящегося в отчаянном положении».

Тем не менее вся китайская история первой половины XX в. — это череда почти непрерывных войн, само ведение которых свидетельствовало о нарушении традиционно негативного отношения к войнам. Вместе с тем и в этот период искусство войны состояло в том, чтобы, нанося удар противнику, бить его не «до смерти» и не лишать его пути к отступлению. Следовало поступать так отнюдь не из жалости к противнику, а из чисто прагматических соображений: чтобы, во-первых, не ослабить себя в кровопролитных сражениях и не стать легкой «добычей» в руках сегодняшних союзников и, во-вторых, иметь возможность использовать войска поверженного противника для дальнейших комбинаций и схваток. Чаще всего комбинаций. В этой связи милитаристы, как старые, так и новые (значительно чаще), никуда не пропадали после очередного поражения, а, «оправившись», вновь заявляли о себе в том или ином альянсе. До очередного поражения или победы, опять-таки неокончательной.

Представляется, что к складывавшейся на полях сраже-

ния Китая ситуации на протяжении первой половины XX в. очень подходила характеристика, данная англичанином А. Г. Смитом китайцам еще в 1904 г. Смит писал: «Китайские собаки вообще не имеют склонности преследовать волков, и когда вы видите, что собака гонится за волком, то, в конце концов, по всей вероятности, собака и волк разбегутся, если не в противоположные стороны, то, по крайней мере, под прямым углом».

В апреле – мае 1922 г. состоялась так называемая первая война между находившимися ранее в коалиции чжилийской и фэнтяньской группировками. Война завершилась победой чжилийцев во главе с У Пэйфу и Цао Кунем, пользовавшимися финансовой поддержкой США и Англии. После победы У Пэйфу были восстановлены «старый» парламент с Ли Юаньхуном на посту президента (Сюй Шичан подал в отставку с поста президента) и «старая» конституция. В течение нескольких месяцев представители У Пэйфу и Сунь Ятсена вели переговоры о возможности совместных усилий по объединению страны.

Потерпевший поражение Чжан Цзолинь издал декларацию о независимости Трех Восточных Провинций, в которой, в частности, отмечалось: «1. Три провинции – Маньчжурия, Внутренняя и Внешняя Монголия не могут быть признанными составляющими часть Китайской Республики...»

Тем временем 16 июня 1922 г. Чэнь Цзюньмин совершил

переворот. Чэнь не поддерживал суньятсеновскую идею Северного похода и объединения страны под властью Гоминьдана военным путем; более того, он считал поход на Север Китая авантюрой.

Сунь Ятсен вынужден был покинуть провинцию Гуандун. Поселившись вновь на территории французской концессии в Шанхае, доктор Сунь попытался извлечь уроки из своих прошлых поражений. Прежде всего он решил стать независимым от милитаристов и для этого завершить создание хорошо организованной партии, опирающейся на собственную партийную армию и поддержку народных масс. Но все это были долгосрочные перспективы, а пока приходилось заниматься поисками союзников для борьбы с Чэнь Цзюньмином среди тех же милитаристов.

Глава 1

Советская военная разведка в Китае (1922 г. – март 1927 г.)

*«Когда лучник промахивается, он должен
искать причину в себе».
(Конфуций)*

«XIII. Использование шпионов.

*1. Мобилизация ста тысяч человек и отправка
на большие расстояния предполагает серьезный
убыток населения и опустошение казны государства.
Ежесуточное содержание такого войска достигает
тысячи унций серебра.*

*Возникает потрясение дома и вдали от дома: люди
падают от голода на больших дорогах.*

*Затрудняется работа примерно семисот тысяч
семей.*

*2. Враждебные армии могут годами противостоять
одна другой с неутолимým желанием победы, вопрос о
которой решится в один-единственный день. Поэтому
оставаться в неведении относительно истинного
положения вещей на вражеской стороне только
из-за того, что жалко потратить сотню унций
на награды и жалованье [следовало бы, наверное,
добавить – «шпионам», хотя это, возможно, повлияло*

бы на возвышенный стиль фразы. – *Комментарий переводчика Лайонела Джайлса*], было бы в высшей степени неразумно и бесчеловечно. Поступающий таким образом не может руководить людьми, его помощь государю сомнительна, и вряд ли он сможет достичь победы в ратном деле».

Сунь-Цзы. Искусство войны

1.1. «Международная коммунистическая партия»

Коминтерн в это время был «штабом мировой революции», интернациональной «партией гражданской войны», вдохновителем коммунистических организаций в десятках стран мира, однако не в последнюю очередь он служил инструментом внешней политики СССР. Практика Коминтерна на всем протяжении его существования (1919–1943) являлась неотъемлемой частью дипломатической, военной и разведывательной деятельности Советского государства.

Однако при оценке деятельности Коминтерна, всегда крайне негативно характеризовавшейся на Западе, следует различать «желаемое» и «действительное», пропаганду и реальность. По агитационно-пропагандистским, идеологическим соображениям Коминтерн часто преувеличивал масштаб своих планов революционного преобразования планеты и соответствующих действий. По тем же самым соображениям (но исходя из совершенно других интересов) западные средства массовой информации всячески раздували и распространяли плакатный образ Коминтерна как международного центра подрывной деятельности, мирового терроризма и шпионского подполья.

В реальности же Коминтерн был одним из орудий борьбы с международной изоляцией, экономической и мораль-

но-психологической блокадой со стороны превосходящих сил мирового капитализма. Поэтому даже те или иные наступательные действия Коминтерна были не столько попыткой действительно свергнуть власть капитала в том или ином уголке земного шара, сколько контрударом, вылазкой защитников осажденной крепости с целью сорвать, предотвратить, ослабить возможный штурм. И «осаждавшие» знали это. Но их пугали сам факт существования СССР и возможность международного объединения противников капитализма. Исходя из этого, очевидно, и следует оценивать как сам Коминтерн, так и его противников.

В 1919 г., в момент провозглашения советских республик в Венгрии, Баварии, Словакии, В. И. Ленин говорил, что Коммунистический интернационал с самого начала стал «... совпадать в известной мере с Союзом Советских Социалистических Республик». В Уставе Коминтерна, принятом на его втором конгрессе в Москве (19 июля – 7 августа 1920 г), содержалось определение цели Коминтерна: «Борьба всеми средствами, также и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной советской республики как переходной ступени к полному уничтожению государства». Единственным средством освобождения человечества от капитализма, от эксплуатации и угнетения масс Коминтерн считал диктатуру пролетариата, а советскую власть – «... исторически данной формой этой диктатуры пролетариата». В уставе было записано, что Комин-

терн «...обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создавалась». В 1928 г. в документах Коминтерна было зафиксировано, что он является «единой и централизованной международной партией пролетариата», а его программа – «программой борьбы за мировую пролетарскую диктатуру, программой борьбы за мировой коммунизм». В 1938 г. советская энциклопедия назвала Коминтерн «...единственной мировой коммунистической партией», которая «...борется за создание Всемирного Союза Советских Социалистических Республик».

Однако на Востоке в деятельности Коминтерна неизбежно возникало противоречие: интернационализм, проповедуемый «пролетарской Меккой», столкнулся с поднимавшим голову национализмом. Коминтерн повсюду раздвигал рамки национальных движений, но все его попытки поставить национально-освободительную борьбу под главенство пролетариата, «советизируя» одну страну за другой, терпели неудачу. И тем не менее деятельность Коминтерна явилась одним из факторов изменения соотношения сил между Европой и Азией. Она способствовала распаду колониальных империй, и в этом, как и в усилении позиций СССР, а не в пропаганде мировой революции заключается основное международное историческое значение Коммунистического интернационала.

Конечно, теоретически Коминтерн должен был быть равноправным объединением компартий. Более того, исходя

из установки на победу пролетарской революции на Западе, изначально предполагалось, что западные компартии будут играть в нем ведущую роль. Однако этого не произошло, прежде всего из-за предательства социал-демократов, а также вследствие малочисленности и ограниченного влияния этих партий. Им было не до руководящей роли в мировой революции, так как они вынуждены были бороться в первую очередь за выживание в тяжелых условиях политической изоляции и жестоких преследований, которые если и удавалось преодолевать, то в основном благодаря международной солидарности единомышленников и материальной помощи извне. Источником и того, и другого могла быть только революционная Россия (с 1922 г. – СССР), самым ходом событий выдвинутая на доминирующую позицию в Коминтерне.

Это привело к тому, что компартии страдали не только от собственных «детских болезней» (левого экстремизма, сектантства, доктринерства), но и от ошибок руководства большевиков, которые зачастую неадекватно оценивали политическую реальность за пределами России (да и внутри ее) и стремились искусственно подогнать ее под свои политические лекала.

Связь революции и войны в мировоззрении большевиков имела органический характер. В 1916 г. в статье «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленин высказал тезис о том, что «...не может в настоящее время быть боль-

шой войны, которая рано или поздно не развернулась бы в войну мировую, и... не может быть большой революции, которая бы не задела всего мира... развиваясь в мировую революцию». Этот ленинский тезис оставался мировоззренческим кредо и стратегической установкой советского руководства на протяжении всех лет существования Коминтерна.

Сложность такого явления, как Коминтерн, состояла в том, что, с одной стороны, Коммунистический интернационал выражал стремление большевиков раздвинуть территориальные пределы своей власти, а с другой – колоссально ослабленная революционной разрухой Россия сама превращалась в объект передела, и программа мировой революции объективно работала на то, чтобы не допустить «растаскивания России по кускам».

Учреждение Коминтерна состоялось на I конгрессе в Москве 2–6 марта 1919 г., но фактически, как говорил В. И. Ленин, «III Интернационал... создан в 1918 г... во время войны». На территории России находились сотни тысяч военнопленных германской, австро-венгерской и турецкой армий. Были также рабочие-отходники – из Турции, Ирана, Кореи и Китая. Всего в 1917–1920 гг. на территории России находилось не менее миллиона граждан из сопредельных стран Востока.

Большевистская пропаганда в этой среде, ставшей первым полем деятельности Коммунистического интернационала, явилась одной из «...важнейших страниц в деятельно-

сти Российской коммунистической партии». Разъехавшись впоследствии по своим странам, бывшие военнопленные, по словам В. И. Ленина, «...добились того, что бациллы большевизма полностью подчинили эти страны своей власти».

Создание III Интернационала означало готовность начать революцию в любой стране, которая окажется следующим за Россией слабым звеном – в смысле истощения военными действиями или нового статуса в послевоенном мире.

В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий приурочили созыв I конгресса к работе Парижской мирной конференции, итогом которой стало подписание 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора. Коминтерн с первых дней существования объявил себя организацией «анти-Версаль». Тем самым он приобретал черты, которые никакой коммунистической теорией не предусматривались. «Вся система версальской политики, – писал член Исполкома Коминтерна К. Б. Радек, – базировалась на уничтожении не только Советской России, но и *на уничтожении России как великой державы*» (курсив Радека. – *Авт.*). Лозунг строительства всемирного «здания советского строя» начинал, таким образом, служить решению иной исторической задачи – отстоять единство территории России в переплетении двух войн, мировой и гражданской, защитив «осажденную крепость» площадью 22 млн квадратных километров.

Основным стратегическим расчетом российских большевиков при захвате власти в Петрограде 25 октября (7 ноября)

1917 г. была ставка на то, что в условиях всемирного военного катаклизма им удастся развязать революцию на Западе. Эта идея доминировала на I конгрессе Коминтерна. «Победа коммунизма в Германии, – говорил первый председатель Коминтерна Г. Е. Зиновьев²⁹, – совершенно неизбежна... И притом – уже в ближайшие месяцы, может быть, даже недели... Через год вся Европа будет коммунистической». В соответствии с этим провозглашалось, что «...освобождение колоний мыслимо только с освобождением рабочего класса метрополий». Но схема продвижения революции от европейских метрополий к азиатским колониям и полуколониям рухнула в том же, 1919 г., когда и была выдвинута. На смену ей пришла «азиатская ориентация».

Решение конкретного вопроса, что целесообразнее – развернуться «лицом к Западу» или «лицом к Востоку», зависело от международной конъюнктуры и убежденности большевиков в том, что послевоенный период международных отношений есть период междувойенный. «Последняя война, – отмечалось в документах Коминтерна в 1921 г., – была... европейским предисловием к действительно мировой войне», неизбежность которой вытекала из коминтерновской концепции двух осей мировой политики. Одной «осью борьбы» (противоречий послевоенного передела мира) представляли в 20-е гг. отношения в треугольнике США – Англия – Япония. «Группировка сил международной революции (Российская Советская Федерация и III Интернационал) состав-

ляла «вторую ось мировой политики».

Деятельность Коминтерна строилась по обеим осям борьбы и зависела от их взаимного смещения. «Мировая война, — отмечал К. Б. Радек, — окончилась победой Северо-Американских Соединенных Штатов (так назывались США в России и отдельных официальных советских документах до начала 1940-х гг. — *Авт.*) в мировом масштабе, торжеством Англии в Европе и Японии — в Восточной Азии», при этом «... Англия оказывает противодействие гегемонии Соединенных Штатов», а «Франция... оспаривает гегемонию Великобритании». Существенным для мировой политики считались взаимоотношения именно этих стран. «Кроме Советской России, — подчеркивал К. Б. Радек, — только они являются субъектами мировой политики. Все остальные лишь ее объекты».

Страны Востока как объекты мировой политики служили колониальным «тылом» западных держав и давали первоклассный «горючий материал», использование которого расширяло плацдарм революции и соответственно укрепляло международное положение СССР. Отсюда необходимость поддержки национально-освободительных движений идеями, людьми, деньгами, оружием всюду, где подобное оказывалось возможным.

Большевики возвращались к решению вековых (великодержавных) задач исторической России как государства, центральное положение которого на евроазиатском контин-

ненте делало для него обязательным одновременное дипломатическое и стратегическое маневрирование на западном и восточном направлениях. К. Б. Радек писал в «Правде» (11–12 мая 1920 г.), что «...гражданская война большевиков была национальной войной за соби́рание русских земель в руках одного диктатора – рабочего класса».

Коминтерну, провозгласившему себя мировой партией революционного действия, были свойственны строгая международная дисциплина, стремление ко все большей централизации, к превращению в структуру с ярко выраженными командными полномочиями, ограничивая при этом самостоятельность и самодеятельность национальных партий. Вместе с тем Коминтерн являлся движением, объединяющим значительные массы рабочих во многих странах.

Высшим органом Коминтерна являлись конгрессы. Между конгрессами руководство осуществлялось Исполнительным комитетом (Исполкомом) Коминтерна (ИККИ). Устав закреплял за ИККИ право и обязанность издавать не менее чем на четырех языках центральный орган Коминтерна – журнал «Коммунистический интернационал», следить за созданием нелегальных коммунистических организаций, а также право создавать в различных странах целиком подчиненные ему технические и иные вспомогательные бюро.

В качестве руководящих органов Исполкома Коммунистического Интернационала первоначально выступали Президиум, Оргбюро и Секретариат. Оргбюро занималось во-

просами отдельных компартий – секций Коминтерна, а Секретариат ИККИ являлся «исполнительным органом ИККИ, его Президиума и Оргбюро».

Для практической работы Исполкомом Коммунистического интернационала был создан аппарат, который на протяжении всей истории Коминтерна подвергался реорганизациям – в зависимости от стоявших политических задач или от перипетий внутрипартийной борьбы в рядах РКП(б). В состав аппарата ИККИ входили отделы, ведавшие определенными отраслями работы.

После IV конгресса Коминтерна (5 ноября – 5 декабря 1922 г.) в аппарат Коминтерна входили Организационный отдел, Отдел международной связи, Восточный отдел, Информационно-статистический отдел, Агитационно-пропагандистский отдел, Издательский отдел, журналы ИККИ и целый ряд комиссий и других подразделений, создаваемых и Президиумом, и Секретариатом, и Оргбюро.

По решению Оргбюро от 11 декабря 1922 г. при Орготделе была образована «Постоянная комиссия по работе в армии», с ноября 1924 г. – постоянная Военная (Антивоенная или Военно-конспиративная) комиссия. Она называлась также Комиссия «М» – «милитаристская». Комиссия начала разворачивать работу под руководством Ф. Петрова (Ф. Ф. Раскольников)³⁰. В нее входили также В. Мицкевич-Капсукас³¹, И. Уншлихт³², являвшийся в то время за-

местителем председателя ВЧК, и О. Гешке³³. В последующем в состав комиссии включили представителей от Исполкома КИМ, компартии Чехословакии и компартий романских стран. Комиссия «М» строила свою деятельность по трем основным направлениям: антиимпериалистическая работа в армии и флоте капиталистических стран; пропаганда вопросов, связанных с подготовкой к революционной вооруженной борьбе; организация пролетарской самообороны и борьба против провокаций.

Комиссия занималась также организацией подготовки кадров военных работников для ряда компартий, в основном через военные заведения Советского Союза. Особенно активно комиссия работала осенью 1923 г. в связи с подготовкой к революционным боям в Германии.

Учитывая, что ряд секций Коминтерна находился на нелегальном положении, а также считаясь с возможностью перехода на подобное положение и других партий, Оргбюро ИККИ при Организационном отделе была создана комиссия, которая в начале января 1923 г. получила название «Постоянная нелегальная комиссия» (Постоянная комиссия по нелегальной работе). Эта комиссия должна была заняться «подготовкой соответствующих партий» к нелегальной работе. В ноябре 1924 г. в ее состав вошли: В. Мицкевич-Капсукас (руководитель), В. Богуцкий³⁴, М. А. Трилиссер, О. Гешке, Ф. Эйдукевич³⁵ (секретарь), а также представите-

ли Исполкома КИМа и компартий романских стран. Работа обеих комиссий была взаимосвязана.

По одному из удачных сравнений, Коминтерн представлял собой, подобно айсбергу, две неравные части. Меньшая часть айсберга, находившаяся на поверхности, – это конгрессы, пленумы ИККИ, учебные заведения – Международная ленинская школа (1925–1928), Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1928), Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, переименованный в Коммунистический университет трудящихся Китая (1925–1930) и др. К «надводной части айсберга» относились и создававшиеся Коминтерном организации – Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн)³⁶, Крестьянский интернационал (Крестинтерн), Коммунистический интернационал молодежи (КИМ)³⁷, Антиимпериалистическая лига, различные международные антифашистские организации, Международная организация помощи борцам революции (МОПР)³⁸, Международная организация рабочей помощи (Межрабпом)³⁹, Международный комитет друзей СССР, Интернационал свободомыслящих пролетариев, Красный спортивный интернационал (Спортинтерн) и другие.

Большая же часть «айсберга» была не видна, утверждали авторы этого образного сравнения. Это был мир «подпольной политики», и здесь главной организационной структурой был ОМС – Отдел международной связи ИККИ, кон-

тролировавший тайную деятельность, финансы, кадры, державший в руках «все связи и всю агентуру». А вот здесь если с последней частью утверждения можно и согласиться, то первая его часть ни в коей мере не соответствовала действительности. К миру «подпольной политики» относились в первую очередь уполномоченные (представители), инструкторы ИККИ. Именно они осуществляли конкретную, повседневную работу с иностранными компартиями, в том числе и находившимися на нелегальном положении. Именно они должны были организовывать работу иностранных компартий в армии, и сами принимали в «антиимпериалистической работе» активное участие, именно они должны были готовить компартии к нелегальной работе. Руководство деятельностью таких представителей Исполкома Коминтерна за рубежом осуществлялось непосредственно через Орготдел. Последующая вертикаль принятия решений замыкалась на Оргбюро (с декабря 1927 г. в связи с ликвидацией Оргбюро его функции были переданы Политсекретариату ИККИ).

Отдел международной связи при всей своей важности и незаменимости играл в деятельности Коминтерна обеспечивающую роль, и не более того. И приписывать ОМС несвойственные ему функции совершенно не следует. Хотя это и не означает, что сами сотрудники ОМС и его руководители не всегда адекватно сознавали свое место и предназначение, которое в определенной степени поддерживалось и культивировалось у них отдельными руководителями ИК-

КИ, а также распределением обязанностей между отделами и секретариатами Исполкома Коминтерна. Сознание собственной избранности в организации далеко не всегда положительно сказывалось на результатах работы. Но об этом отдельно.

Отдел международной связи был, пожалуй, единственным из отделов аппарата ИККИ, который с 1921 по 1936 г. не менял своего названия. В августе 1920 г. Малое бюро, ставшее впоследствии Президиумом, приняло решение о создании Секретного отдела (взамен образованной вскоре после I конгресса «Особой комиссии по связи ИККИ»). 11 ноября 1920 г. решением Малого бюро ИККИ отдел оформился как Конспиративный отдел во главе с Д. Бейко⁴⁰.

С июня 1921 г. Конспиративный отдел стал называться Отделом международной связи. Главной задачей ОМС являлось осуществление посредством своих пунктов конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, что включало в себя пересылку директив, информации, документов и денег для финансирования зарубежных компартий, нелегальную переброску людей «по суше и по морю» из страны в страну, отправку отобранных кандидатов для обучения в Советский Союз. Через пункты ОМС за границей в Москву поступали информационные материалы от зарубежных компартий. Отдел международной связи и его пункты занимались изготовлением фальшивых паспортов, организацией явочных квартир, распространяли марксистскую

литературу, в том числе через созданные ими книжные экспедиционные конторы.

Первым заведующим ОМС был назначен Иосиф Аронович Пятницкий⁴¹ (настоящие имя и фамилия Иосель Ориолов Таршис), опытный деятель революционного подполья в России. Позднее И. А. Пятницкий был известен как Осип Пятницкий (без отчества). В документах и литературе, посвященной Коминтерну, существует разнбой в использовании имени Пятницкого. Сын Пятницкого, Владимир Иосифович, считает возможным называть отца Осипом. Тем не менее ранее и далее по тексту используются инициалы И. А., так как в официальных документах Пятницкий проходил как Иосиф Аронович.

Существует байка, поведенная Владимиром Иосифовичем, о происхождении псевдонима отца, ставшего впоследствии фамилией одного из известных руководителей Коминтерна: «Социал-демократки мать и дочь Бахи придумали в целях конспирации прозвище «Фрейтаг» (в переводе с немецкого «Пятница»), так как он постоянно назначал им встречи по пятницам».

Пятницкий был одним из революционеров-профессионалов – агентом печатного органа РСДРП «Искры», отвечавшего за доставку газеты в Россию и ее распространение. Именно он, по свидетельству представителя ОМС в Польше И. М. Бергера, много лет проработавшего с Пятницким, «... организовал массовую переброску большевистской литера-

туры с Запада на Восток, из Лейпцига в Питер и Москву, имея в своем распоряжении ограниченные средства, а против себя – всю мощь царского аппарата».

Однако бесценный опыт нелегальной работы без своего развития в меняющейся обстановке, в новых условиях подпольной деятельности становился штампом и препятствием в работе. Сотрудница ОМС Анна Разумова на вопрос, заданный ей в ходе допроса сотрудником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД в 1937 г., рассказать об И. А. Пятницком как руководителе Коминтерна ответила: «Вы помните, как Пятницкий перевозил «Искру» в чемоданах с двойным дном? Да-да. И вот, представьте, когда мы в Коминтерне уже в 1920-1930-е годы везли материалы и т. д., он навязывал, чтобы мы так действовали. Хотя уже времена были другие, у него этот способ остался в памяти».

Чемодан с двойным дном – это образ, характеризовавший в данном случае восприятие Пятницким требований конспирации. Подобное легковесное отношение к этим требованиям, являвшимся залогом «выживания» нелегала во враждебной среде (а вернее, пренебрежение к их соблюдению), проявилось спустя много лет во время пребывания Зорге в Китае. Все это ни в коей мере не означало отказа от осмысления опыта подпольной работы партии, и преломления его к «современной» действительности.

С 19 декабря 1922 г. пост заведующего Отделом международной связи занимал Павел Александрович Вомпе⁴². После

его смерти в августе 1925 г. руководителем ОМС был утвержден М. Г. Грольман⁴³, в недавнем прошлом сотрудник Региструпра Полевого штаба Революционного военного совета Республики (РВСР).

Вскоре Грольмана сменил А. Е. Абрамович, известный в Коминтерне под фамилией «Альбрехт»⁴⁴. Особого рвения Абрамович в должности заведующего ОМС не проявлял. В апреле 1926 г. он обратился в Секретариат Исполкома Коминтерна с заявлением, в котором довольно сумбурно объяснял, что используется в Коминтерне неправильно, сидит зачастую без дела, а «...добавочная работа в Орготделе, которая... до сих пор представлялась, носит больше номинальный характер». Абрамович входил от ОМС в состав руководства Орготдела. В заключение он попросил освободить его от обязанностей заведующего ОМС и откомандировать в распоряжение ВКП(б). В сентябре Абрамович действительно ушел с занимавшегося им поста и перешел снова в Орготдел на должность референта. Однако уже в начале января 1927 г. постановлением Секретариата ИККИ он был командирован в Шанхай. После непродолжительной, но бурной деятельности Абрамович был отозван из Китая, который покинул 23 апреля 1927 г. В декабре этого же года он вернулся в Шанхай уже в качестве представителя ОМС.

После А. Е. Абрамовича до 1936 г. заведующим Отделом международной связи являлся Александр Лазаревич Абра-

мов⁴⁵, известный в тот период как Абрамов-Миров, перешедший на работу в Разведывательное управление РККА.

С октября 1936 г. по май 1937 г. Службу связи Секретариата ИККИ (так стал называться с 1936 г. ОМС) возглавлял в прошлом один из руководителей военной разведки Борис Николаевич Мельников под фамилией «Мюллер». С начала февраля 1932 г. по сентябрь 1933 г. Мельников являлся заместителем начальника IV управления РККА – начальником 2-го отдела. После этого была должность уполномоченного НКВД по Дальневосточному краю (г. Хабаровск). Затем один месяц находился на должности генерального консула СССР в Нью-Йорке и несколько месяцев работал в 1935 г. инструктором ЦК ВКП(б) Украины. 4 мая 1937 г. Мельников был арестован. Требования, предъявляемые к кандидату на занятие должности заведующего Службой связи Секретариата ИККИ, были сформулированы Д. З. Мануильским, одним из руководителей Коминтерна, в запросе от 1 октября 1937 г., адресованном в ЦК ВКП(б): «Нужен крупнейший организатор, знающий один из основных языков (немецкий, английский, французский), знающий границу, бывавший продолжительное время там, имеющий опыт подпольной работы. Лучше всего подошел бы бывший работник Наркомвнудела или IV управления РККА».

В структуре ОМС имелись подотделы: пунктов связи, литературный, курьерский, «техники», финансов.

Снабжение иностранных партийных деятелей и сотрудни-

ков Коминтерна документами прикрытия, и в первую очередь паспортами, возлагалось на подотдел «техники». Существовало несколько способов получения паспортов. Первый из них, самый простой и далеко не самый надежный, заключался в следующем. Иностранный коммунист, проживавший в СССР, передавал свой паспорт в ОМС Коминтерна, где документ «подправлялся» с учетом данных человека, которому он предназначался. Понятно, что подготовленный таким образом документ, который назывался «промытым» паспортом, часто причинял массу неприятностей своему новому владельцу, а сам способ не обеспечивал все возрастающую потребность в легализационных документах. Полностью поддельными документами в Коминтерне практически не пользовались.

Особенно ценились паспорта Швейцарии, которые позволяли их владельцам путешествовать по странам Западной Европы без визы. Наиболее надежным был способ получения швейцарских паспортов с привлечением полицейских чиновников, которые сотрудничали с местной компартией на идеологической или материальной основе. Так, полицейский служащий (псевдоним «Сапожник») паспортного стола в г. Вале с 1926 г. передавал компартии Швейцарии в интересах ИККИ паспорта и другие официальные документы, в которых нуждался Коминтерн. За это «Сапожник» получал ежемесячное вознаграждение в размере 150 франков, а с середины 30-х годов имел еще и премию в 100 швейцар-

ских франков за каждый выданный документ. Этот полицейский сотрудничал с Коминтерном, а через него и с советской разведкой вплоть до 1942 г. Процедура получения паспортов выглядела следующим образом. Установочные данные (пол, возраст, особые приметы) на человека, которому был нужен паспорт, передавались «Сапожнику», который подбирал в архивах полицейского управления швейцарского гражданина с данными, максимально совпадавшими с переданными из Москвы. Затем в подотделе «техники» изготовлялось фальшивое свидетельство о рождении, на основании которого паспортным столом в г. Вале и выдавался паспорт.

Однако владелец паспорта не выдерживал серьезной проверки, когда по месту жительства его «родных» посылалась его фотография, которую должны были опознать.

В подотделе «техники» изготовлялись и другие легализационные документы, а также печати, штампы, спецчернила, бумага и т. п.

Через ОМС продолжали действовать соответствующие отделы Профинтерна, КИМ и других международных организаций.

ОМС создавал пункты связи не только за границей, но и на территории Советской России, в первую очередь в портовых городах.

С мая 1924 г. до мая 1927 г. действовал пункт связи ОМС в Пекине. Представителем ОМС являлся А. Я. Сярэ⁴⁶, до этого работавший по линии Разведупра Штаба РККА по-

мощником резидента в Ревеле. Сярэ находился в Пекине под прикрытием советского полпредства в качестве заведующего его финансовой частью. Спустя несколько лет он вновь окажется в Китае в качестве представителя IV управления под официальным прикрытием, на сей раз уже в качестве резидента – консул в Дайрене (с 1932 г), первый секретарь в Нанкине (с сентября 1933 г).

К 1928 г. Отдел международной связи имел свои пункты в Одессе, Владивостоке, Иркутске, Чите, Ленинграде, Мурманске, Киеве, Баку, Риге, Ревеле (Таллине), Берлине, Вене, Варне, Стокгольме, Париже, Христиании (Осло), Константинополе, Амстердаме и других городах Европы, Азии и Америки. Через эти пункты ОМС наладил связи с компартиями многих стран. Было положено начало развертыванию работы на местах под прикрытием создаваемых экспортно-импортных фирм.

Развернул работу пункт связи ОМС и в Шанхае, решая задачи установления контактов с революционными организациями Китая, Кореи, Японии и других стран. Этот пункт занимался получением и отправкой почты, зашифровкой и расшифровкой шифротелеграмм, распространением коммунистической литературы, финансовыми операциями, в том числе передачей «московских» денег руководителям компартий, отправкой на учебу отобранной китайской молодежи, «обслуживал» представителей Профинтерна, КИМ, МОПР, Антиимпериалистической лиги.

Отдел международной связи Коминтерна являлся строго засекреченным подразделением, и вся его работа за рубежом должна была осуществляться нелегально и конспиративно. Но о какой конспиративности и нелегальности могла идти речь, если до майского постановления Политбюро ЦК ВКП(б) представители ОМС за рубежом находились на должностях советских полпредств и торгпредств, а с 1923 г. фельдъегерская связь ГПУ использовалась «для нужд Отдела международной связи». Значительная часть печатной продукции, различных грузов и товаров, предназначенных для Коминтерна, шла в Москву в адрес Наркомата внешней торговли. Коминтерновские телеграммы и радиogramмы за границу (и наоборот) передавались компартиям только через Наркомат иностранных дел – специально была учреждена должность «представителя ИККИ при НКВД» по отправке радиотелеграмм. Для перевозки людей и грузов ОМС использовал выделенные в его распоряжение по решению Политбюро ЦК и Совнаркома специальные железнодорожные вагоны и торговые суда. Периодически между ИККИ, с одной стороны, а с другой – советскими наркоматами и ведомствами возникали разногласия, споры и даже конфликты.

Далеко не все сотрудники ОМС были профессионалами в нелегальной работе, что приводило к регулярным провалам. В повседневной практике Отдела международной связи при переписке и обмене телеграммами использовались коды и шифры. Однако и здесь к этим элементам конспи-

рации нередко относились формально. «Уважаемый товарищ. 1. Ваше письмо от 17 /IV и приложенные 256 кило чая для Леона Асланиди получено...» – писал сотрудник ОМС, скрывавшийся под псевдонимом «Блиц», заведовавшему отделом «Альбрехту» (Абрамовичу) весной 1926 г. Под «Леонам Асланиди» скрывалось кодовое обозначение компартии Японии, а «килограмм чая» подразумевал один американский доллар. «Блиц» не удержался от комментариев используемого в переписке кода: «...Надо иметь в виду особенности каждой страны, напри[м]ер, ни один черт из Москвы не присылает «чай» в Асланидию, т. е. такой покупки или заказа никогда не было и не будет».

В августе 1925 г. секретарь Исполкома Коммунистического интернационала молодежи Виссарион Ломинадзе⁴⁷ обратился к секретарю ИККИ Отто Куусинену⁴⁸ и председателю Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьеву с заявлением, в котором подверг резкой критике деятельность как московского аппарата ОМС, так и его берлинского и венского пунктов. Каплей, переполнившей чашу терпения ответственного работника КИМ, явились злоключения одного из сотрудников Исполкома Коммунистического интернационала молодежи, который был задержан на пароходе германской полицией и провел восемь дней в гамбургском участке, поскольку не получил от представителя ОМС в Берлине А. Л. Абрамова (псевдоним «Миров») нужных документов.

«Т[оварищ] Иоганн, – писал Ломинадзе о другом сотруд-

нике ИККИМ, – арестованный сейчас в Голландии. получил какую-то дрянную бумажонку, которая осложнит его положение, тогда как все это можно было устроить вполне легально. Со своей стороны я добавлю еще несколько фактов, – продолжал возмущаться Виссарион Ломинадзе. – Я, уезжая из Берлина в Прагу, получил две явки в Прагу от того же т. Мирова. Обе оказались совершенно фантастическими, и я, конечно, позорно провалился бы в Праге, не возьми я случайно одного частного адреса у частного знакомого.»

Не единичным случаем было выяснение отношений между уполномоченными (представителями) ОМС и Исполкома Коминтерна за границей. Об этом свидетельствует документ, датированный сентябрем 1927 г. и называвшийся «О взаимоотношениях отделения ОМС с уполномоченными ИККИ». В нем, в частности, говорилось, что отделение ОМС в Китае «...имеет целью установить связь между ИККИ и Китаем» и оно «...не подчинено уполномоченным ИККИ в Китае, а ответственно за свою работу перед ОМС ИККИ». Более того, любые сношения уполномоченного ИККИ с отделением ОМС должны производиться исключительно через заведующего ОМС или его заместителей, финансовые операции – лишь по указанию ОМС ИККИ; то же касалось заказов паспортов, прохождения всей переписки с заграницей. Наконец, все конфликты между уполномоченными ИККИ и отделением, указывалось в документе, должны разрешаться ОМС.

Очевидно, предложения по финансированию компартий должны были исходить от уполномоченных ИККИ на местах, а никак не от ОМС, функции которого должны были быть ограничены лишь передачей выделенных средств. Ведь в конечном счете решения о финансировании зарубежных компартий и размерах этого финансирования принимал не Отдел международной связи, а Секретариат (Политсекретариат) ИККИ. Классический пример, когда телега была поставлена перед лошадью. Такой документ мог быть принят исключительно благодаря поддержке И. А. Пятницкого, бывшего заведующего ОМС и курировавшего в Политсекретариате деятельность Отдела международной связи.

Деятельность военной разведки в первой трети XX в. нельзя рассматривать в отрыве от деятельности Исполкома Коммунистического интернационала. Между Разведупром (IV управлением Штаба РККА) и международной организацией коммунистов происходил постоянный обмен информацией и людьми. Сотрудники Исполкома Коминтерна переходили на службу в военную разведку и наоборот. Подобное явление было довольно распространенным.

Контакты за границей представителей Разведупра и сотрудников ИККИ (особенно когда в одном городе, в одной стране оказывались старые знакомые и друзья по работе в компартиях и в аппарате Коминтерна) невозможно было исключить, и они представляли собой неизбежное зло, неся в себе перманентную угрозу провала. И в первую очередь для

военных разведчиков.

1.2. Усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом по созданию в Китае дружественного государства (1922–1926)

Для обеспечения государственных интересов на Дальнем Востоке советские представители настойчиво добивались нормализации советско-китайских отношений, признания РСФСР существовавшим пекинским правительством де-юре. Одновременно разворачивалась военно-политическая деятельность Советского Союза на Юге Китая. По сути, это были два независимых и разнесенных друг от друга по месту процесса. Попытки их объединить были предприняты позднее и в конце концов достигли результатов, плодами которых СССР воспользоваться не удалось.

Начатый еще в 1920 г. курс на установление дипломатических отношений с центральным (пекинским) правительством предусматривал решение в том числе и вопросов, относившихся к КВЖД в Северной Маньчжурии.

12 декабря 1921 г. в Пекин для проведения переговоров прибыла советская делегация во главе с А. К. Пайкесом⁴⁹ в качестве неофициального посланника. Вместе с тем Пайкесу был гарантирован дипломатический иммунитет и «все способы сношения с Москвой» – использование курьеров

и шифровальной переписки. Однако вступить в переговоры с китайской стороной Пайкесу так и не удалось. 12 августа 1922 г. в Пекине появилась новая российская делегация во главе с А. А. Иоффе⁵⁰, которого китайская сторона согласилась принять, как и Пайкеса, только «полуофициальным представителем правительства РСФСР в Пекине». Перед делегацией была поставлена задача: добиться установления официальных дипломатических отношений с Китаем, заключить торговый договор и соглашение по Китайско-Восточной железной дороге.

В меморандуме китайского МИД от 11 ноября 1922 г. в этой связи указывалось, что при заключении соглашения по КВЖД необходимо исходить из текста «Обращения правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г., в котором якобы содержалась следующая фраза: «Рабоче-Крестьянское Правительство намерено все права и интересы, имеющие отношение к КВЖД, безоговорочно вернуть без всякого вознаграждения».

Именно утверждение китайской стороны о наличии в обращении от 25 июля 1919 г. пункта о безвозмездной передаче Китаю КВЖД явилось основным камнем преткновения на переговорах с представителями пекинского правительства. Этот вопрос стал предметом оживленных дискуссий не только в 20-е годы, но и в последующие годы среди советских и китайских исследователей.

Отправной точкой в дебатах следует считать текст обращения от 25 июля 1919 года, опубликованный в «Известиях» 26 августа 1919 г., в котором абзац о безвозмездной передаче КВЖД Китаю отсутствует. Поэтому все последующие споры о наличии или отсутствии этой фразы бессмысленны. В первоначальном документе ее нет!

Как следовало из контекста обоих обращений советского правительства от 1919 и 1920 гг., Советская Россия, безусловно, готова была передать железную дорогу Китаю без каких-либо компенсаций, хотя об этом текстуально прямо и не говорилось. Двойкой трактовки здесь быть и не могло.

В последующем во внешнеполитическом курсе Советской России постепенно возобладали собственно государственные интересы. 16 ноября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило протокол заседания коллегии НКВД РСФСР, в котором говорилось, что Россия сохраняет за собой собственность Китайско-Восточной железной дороги, но как друг восточных народов и как враг империализма отказывается от политических и правовых привилегий и готова пойти на следующие уступки Китаю: сужение полосы отчуждения, досрочный выкуп дороги на льготных условиях, согласие на участие Китая в смешанном управлении дорогой.

В письме от 20 января 1923 г., адресованном А. А. Иоффе, выступавшему за передачу Китаю права собственности на КВЖД «без всякого вознаграждения», Л. Д. Троцкий объяснил позицию советского правительства и коммунистиче-

ской партии. «Как хотите, — писал Троцкий, — но мне и сейчас не ясно, почему отказ от империализма предполагает отказ от наших имущественных прав. Китайско-Восточная железная дорога была, бесспорно, орудием империализма, поскольку она была нашей государственной собственностью на китайской территории. Поскольку же дорога переходит в руки Китая, она есть огромная хозяйственно-культурная ценность. В этом смысле мне совершенно непонятно, почему китайский крестьянин должен иметь дорогу за счет русского крестьянина... Мы можем и должны помочь Сунь Ятсену стабилизировать в Китае внутренний режим. Почему же Сунь или кто другой не может в этом случае частично возмещать нам наши расходы по Китайско-Восточной железной дороге, которой китайский народ будет пользоваться? Почему империализм?

Вы очень настаиваете на бедности Китая. Позвольте Вам напомнить, дорогой Адольф Абрамович, что Россия тоже очень бедна и совершенно не в силах оплачивать расположение к ней колониальных и полуколониальных народов материальными жертвами. Разумеется, очень заманчиво было бы отказаться от имущества Китайско-Восточной железной дороги, то есть сделать подарок в 800 миллионов рублей, и сверх того дать займы 40 миллионов рублей (тоже, очевидно, без надежды на отдачу). Дорогу китайцы взяли бы, 40 миллионов рублей израсходовали бы очень скоро и потребовали бы продолжения, а не получив такового, обратились бы

к Америке и перенесли бы туда свои симпатии.»

Но был еще один фактор, препятствовавший нормализации советско-китайских отношений, – Внешняя Монголия.

Стремясь установить дипломатические отношения с центральным правительством, советское руководство в то же время вынашивало планы создать в Пекине другое, дружественное Советской России правительство, используя те или иные комбинации между различными противоборствовавшими военно-политическими группировками и их лидерами.

Наиболее перспективными с этой точки зрения представлялись в это время У Пэйфу и Сунь Ятсен. Первоначально советская дипломатия ориентировалась на У Пэйфу как на самого сильного и, как считалось, относительно прогрессивного военно-политического лидера. У Пэйфу, контролировавший центральное правительство, не уклонялся от контактов с советской стороной и даже передал письмо на имя Л. Троцкого, в котором говорилось «о солидарности русско-китайских задач на Дальнем Востоке». Одновременно прилагались усилия добиться сотрудничества Сунь Ятсена с У Пэйфу, которое должно было привести к созданию нового коалиционного правительства в Пекине, дружественного по отношению к Советской России.

С У Пэйфу неоднократно встречался летом 1922 г. А. И. Геккер⁵¹, входивший в качестве военного эксперта в состав дипломатической миссии А. А. Иоффе. После одной из

встреч с У Пэйфу в августе 1922 г. Геккер докладывал Л. М. Карахану для передачи Сталину: «Сунь Ятсен – идейный вождь Китая, У Пэйфу – военный, соединившись, оба создадут единый Китай. Теперь [они] ведут переговоры, надеемся, согласятся, [что] Сунь будет президентом республики, он сам – военным и главкомом».

Это были усилия, заведомо обреченные на провал, так как Сунь Ятсен не желал вступать с У Пэйфу ни в какие союзнические отношения. Последний же в качестве условия сотрудничества выдвигал требование, чтобы Сунь Ятсен отрекся от Чжан Цзолиня, что никак не соглашался принять доктор Сунь, который заигрывал с правителем Маньчжурии в целях укрепления собственных позиций. Сунь Ятсен прекрасно сознавал, что Чжан Цзолинь воспринимался советской стороной как японский агент, но заверял, что повлияет на него в нужном направлении. Чжан Цзолинь, в свою очередь, в ходе одной из бесед с Сунь Ятсеном подчеркивал, что Советская Россия сама преследует империалистические цели в Китае – «КВЖД и Монголию она не отдает, несмотря на все уверения в дружбе».

В 1922 г. между Сунь Ятсеном и российскими дипломатами, в том числе и наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным, завязалась оживленная переписка. Позиция Суня, состоявшая в заключении временных союзов с милитаристами для использования одного против другого, не давая при этом никому из них особенно усилиться, в полной

мере разделялась советскими представителями в Китае и в Москве и, более того, настоятельно рекомендовалась к реализации.

В конце 1922 г. произошел разрыв между возглавлявшими чжилийскую милитаристскую группировку У Пэйфу и Цао Кунем. Последний совершил переворот в Пекине с целью добиться своего избрания президентом. Помощь в перевороте Цао Куню оказал один из генералов У Пэйфу – Фэн Юйсян⁵². Сам же У Пэйфу был вытеснен в провинцию Хэнань. Однако до полного разрыва между бывшими союзниками дело не дошло – ни тот, ни другой не были готовы пойти на такой опрометчивый шаг, так как это означало бы одностороннее усиление Чжан Цзолия.

«Всякий китайский военачальник без территории, – докладывал в январе 1923 г. А. А. Иоффе руководителям РКП(б) и советского правительства по поводу У Пэйфу, – приблизительно то же, что кавалерист без лошади. Каждому из них нужна территория для того, чтобы на этой территории кормиться, крепнуть, развиваться». Рассуждения насчет генерала и территории в равной степени относились и к Сунь Ятсену, и к его попутчикам из числа милитаристов. Сунь Ятсен призвал себе на помощь юньнаньского и гуансийского генералов. Оба командующих вместе со своими армиями были выброшены за пределы родных провинций конкурентами за власть и испытывали острую потребность в средствах. В конце 1922 г. союзники-милитаристы вытеснили Чэнь Цзюньми-

на на границу провинций Гуандун и Гаунси, и Сунь Ятсен вновь возвратился в Кантон, где и возглавил правительство Южного Китая.

Юньнаньцы, равно как и гуансийцы, считали свое нахождение в Гуандуне временным, необходимым для накопления сил с последующим триумфальным возвращением в родные провинции. По праву победителей они захватили лучшие доходные районы, превращая их в свою финансовую базу. Само же правительство практически оставалось без источников дохода. Тем не менее с Сунь Ятсеном, который таким непростым путем вернул себе весьма неустойчивую власть в Кантоне, можно было уже обсуждать конкретные вопросы сотрудничества.

Для реализации идей объединения Китая, если не всего, то его большей части, Сунь Ятсен через руководителя дипломатической миссии РСФСР А. А. Иоффе представил советскому правительству в разное время несколько планов (один из них, предполагающий размещение в провинции Синьцзян советских войск, даже был реализован). Сунь полагал необходимым под «...нашей оккупацией там создать русско-китайско-германское общество для эксплуатации... минералов, создание сталелитейного завода и арсенала». Выносился на обсуждение и другой план: из Сычуаня перебросить имевшуюся там якобы 100-тысячную армию Суня к границам Монголии для установления прямого контакта с СССР через Восточный Туркестан и Ургу. Китайская армия при

этом должна быть вооружена Советским Союзом и приведена им «в достаточное боевое состояние». После этого, по замыслу Сунь Ятсена, должна быть предпринята последняя Северная экспедиция. Один из прожектов Сунь Ятсена основывался на том, что Советская Россия «диверсией из Маньчжурии» отвлечет силы Чжан Цзолия из занятого им Пекина

Как бы то ни было, для реализации всех планов требовалась финансовая и военная помощь Советского Союза. Размеры денежных вливаний Сунь оценивал «...в размере максимум 2 миллионов мексиканских долларов». Надо сказать, что все планы изобиловали слишком большими допущениями, требовали больших денег и в подавляющем большинстве были вообще нереализуемыми. В частности, Сунь Ятсен совершенно неадекватно оценивал возможную реакцию иностранных держав на подобные выступления. Именно поэтому советские представители называли Сунь Ятсена фантазером. Но речь шла не только о фантазиях доктора Суня. Для достижения задач объединения страны военным путем китайский лидер стремился использовать Советский Союз, как до этого использовал и продолжал использовать китайских милитаристов.

8 марта 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) признало возможным оказать Сунь Ятсену денежную помощь в запрашиваемом размере, направить в Южный Китай группу политических и военных советников, а также «...признавало же-

лательным заложить основу революционной армии в Западном Китае в форме целостной воинской единицы». Вместе с тем Политбюро ЦК РКП(б) отвергло предложения Сунь Ятсена, «...которые в какой бы то ни было мере чреваты опасностью интервенции со стороны Японии», и выразило опасения, что «...Сунь Ятсен уделяет слишком большое внимание чисто военным операциям в ущерб организационно-подготовительной работе».

Удовлетворяя просьбу Сунь Ятсена о присылке в Кантон опытного политического советника для оказания помощи в реорганизации Гоминьдана, Политбюро ЦК РКП(б) на своих заседаниях летом 1923 г. специальным постановлением приняло предложение Сталина о назначении на эту должность М. М. Бородин⁵³. Бородину предлагалось «...свою работу согласовывать с полномочным представителем СССР в Пекине, ведя переписку с Москвой через последнего». Задача заведомо невыполнимая, если учесть огромное расстояние, отделявшее Пекин от Кантона. Новый советский полпред Л. М. Карахан направлялся в Китай для переговоров с пекинским правительством о признании СССР.

В июне 1923 г. впервые в легальных условиях в столице Гуандуна собрался III съезд КПК. К этому времени КПК насчитывала в своих рядах всего 423 члена. Центральным пунктом повестки дня был вопрос об образовании единого фронта с Гоминьданом. О том, что собой представляла Китайская коммунистическая партия в 1923 г., М. М. Бородин

писал следующее: «...Нельзя сказать, чтобы Киткомпартия участвовала в массовом движении... Коммунисты, если судить по тем, которых я встретил в Кантоне, очень смутно представляли себе, почему они являются членами компартии». III съезда КПК принял предложенную Коминтерном форму создания единого фронта: индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении политической и организационной самостоятельности КПК.

Сунь Ятсен, который никогда в прошлом не имел твердой военной опоры в Китае, занялся созданием собственных надежных военных кадров. Летом 1923 г. он послал в Москву делегацию военных работников во главе с начальником штаба кантонских войск генералом Чан Кайши для изучения опыта Красной армии.

На руководящих членов китайской делегации советской стороной были подготовлены характеристики. О Чан Кайши, в частности, говорилось следующее: «Глава Генерального штаба. Получил военное образование в Японии. Принадлежит к левому крылу Гоминьдана, являясь одним из старейших членов партии. Пользуется большим доверием Сунь Ятсена. Очень близок к нам. В настоящее время отошел от военной работы на Юге Китая. Поддерживает наш проект операций на Севере Китая (содержание проекта не установлено. — *Авт.*). Известен в Китае как один из образованнейших людей. Очень интересуется нашей политической работой в Красной армии, а также техникой ее». Не совсем адек-

ватная характеристика, если не сказать, что совсем неадекватная. Или же другое: за два года, прошедшие после составления характеристики, нам удалось из близкого к Советскому Союзу человека сделать врага. Сам же Чан Кайши в ходе визита неоднократно демонстрировал свою близость с Советским Союзом.

Китайская делегация прибыла в Москву 2 сентября и отбыла в Китай 29 ноября 1923 г.

Во время встречи с заместителем председателя РВС СССР Э. М. Склянским и главкомом Красной армии С. С. Каменевым китайцами были высказаны советской стороне пожелания: во-первых, направить на Юг Китая возможно большее количество советских специалистов для обучения китайских военных; во-вторых, получить возможность ознакомиться с Красной армией; в-третьих, совместно обсудить план военных действий в Китае.

Центральным пунктом этого плана было создание с помощью СССР новой армии Сунь Ятсена, сформированной по образцу Красной армии на территории, близлежащей к югу от Урги, на границе Монголии с Китаем. Оттуда предполагалось, взаимодействуя с другими силами, наступать «второй колонной» на силы чжилийской группировки и на Пекин. Это был наиболее спорный пункт плана: даже символические шаги в этом направлении могли резко усилить напряженность в отношениях России с западными державами и Японией, сделать еще более жесткой позицию пекинского

правительства на переговорах о признании СССР.

Реакция Москвы на предложения и планы миссии Сунь Ятсена определялась несколькими обстоятельствами. Именно в период пребывания этой миссии в СССР внимание руководства РКП(б) и Коминтерна было поглощено планами развертывания революции в Германии. Задачи материальной, а возможно и военной, поддержки германской революции – «последней надежды» на революционный взрыв на Западе, безусловно, оказывали влияние на принятие решений, чреватых масштабами вовлечения противоборствующих сторон в военные конфликты на Востоке.

Выступая на заседании ИККИ, Чан Кайши сформулировал идею сотрудничества Коминтерна и Гоминьдана, отражавшую как взгляды Сунь Ятсена, так и ожидания советского руководства. «Мы считаем, – заявил китайский генерал, – что фундаментальная база мировой революции находится в России... Партия Гоминьдан предлагает, чтобы Россия, Германия (конечно, после успеха революции в Германии) и Китай (после успеха китайской революции) образовали союз трех крупных государств для борьбы с капиталистическим влиянием в мире. С помощью научных знаний немецкого народа, успеха революции в Китае, революционного духа русских товарищей и сельскохозяйственных продуктов этой страны мы смогли бы легко добиться успеха мировой революции, мы смогли бы свергнуть капиталистическую систему во всем мире».

Развивая эти мысли на встрече с Л. Д. Троцким, Чан Кай-ши выразил надежду, что «...в скором времени освобожденный Китай станет членом Советских Социалистических Республик России и Германии».

Троцкий в своем ответном выступлении остановился на соотношении военной и политической работы. Председатель Реввоенсовета СССР подчеркнул, что партия Гоминьдан «в настоящее время» должна все свое внимание сосредоточить на политической работе, доведя до необходимого минимума военную часть деятельности. Под политической работой Троцкий имел в виду «длительную и упорную политическую подготовку широких народных масс». Это означало, что наибольшая часть внимания Гоминьдана должна была быть обращена на пропаганду. «Хорошая газета, – отметил Л. Д. Троцкий, – лучше, чем плохая дивизия».

Касаясь вопроса оказания военной помощи Китаю, Троцкий заявил: «Мы не отказываемся от оказания военной помощи, но при теперешнем стратегическом соотношении военных сил не представляется возможным оказать эту помощь войскам Суня. Вместо этого мы откроем наши школы для обучения китайских революционеров военному делу».

Уже в ходе повторной встречи со Склянским и Каменевым китайской делегации было сообщено, что Реввоенсовет «...считает возможным послать китайских товарищей в Россию для размещения в военных учебных заведениях». В частности, в Военную академию РККА 3–7 человек, в воен-

ные училища – от 30 до 50 человек.

Как показал ход событий, несмотря на отказ Москвы под-
держать военный план Суня, общие итоги миссии укрепили
решимость Чан Кайши проводить политику «союза с Росси-
ей», ориентироваться на русский опыт в вопросах партий-
но-государственного и военного строительства. Советский
Союз же, со своей стороны, пошел значительно дальше при-
нятых на себя ограничений в части предоставления военной
помощи Китаю: направил инструкторов, организовал в стра-
не военные школы, поставил оружие и боеприпасы, выделил
финансовые средства.

Еще до поездки китайской военной делегации в Москву
в Гуанчжоу (Кантон) была направлена первая группа совет-
ских военных специалистов: И. Г. Герман⁵⁴, В. Е. Поляк⁵⁵,
П. И. Смоленцев⁵⁶, Н. И. Терещатов⁵⁷ и А. И. Черепанов⁵⁸. К
этому времени кантонское правительство Сунь Ятсена кон-
тролировало лишь большую часть Гуандуна, на востоке ко-
торого держался Чэнь Цзюньмин.

Первый конгресс Гоминьдана состоялся в январе 1924 г.
в Гуанчжоу. Конгресс принял манифест, программу, утвер-
дил устав партии и официально оформил вступление ком-
мунистов в Китайскую национальную партию.

В выступлениях Сунь Ятсена и манифесте I съезда
Гоминьдана содержалась обновленная интерпретация его
«трех народных принципов». Принцип «национализма», по
утверждению Сунь Ятсена, имел две стороны: «Националь-

ное освобождение всего Китая; равноправие всех национальностей на территории Китая». Второй принцип – «народовластие» – предусматривал «предоставление народу как косвенных, так и прямых прав». Таким образом, народу предоставлялось «...не только избирательное право, но и право законодательной инициативы». Формы народовластия должны были определяться конституцией, основу которой составляло учение Сунь Ятсена «О раздельном функционировании пяти властей: законодательной, судебной, исполнительной, экзаменационной и контрольной». Третий принцип Сунь Ятсена – «народное благосостояние» – мог трактоваться как «государственный социализм». Этот принцип предусматривал «уравнение прав на землю и ограничение капитала». Государство взимало налоги согласно объявленной владельцем цене на землю, а в случае необходимости по той же цене могло выкупить землю. Все принадлежавшие китайцам и иностранцам предприятия, которые имели монопольный характер или были очень велики по своим масштабам, как, например, банки, железные дороги, воздушное сообщение и т. п., должны были управляться государством. Только с учетом этих требований «...частный капитал не мог держать в своих руках средства существования народа». Именно в этом, считал Сунь Ятсен, состоял основной смысл ограничения капитала.

В дальнейшем многие формулировки из документов съезда стали предметом спора и взаимных претензий, входив-

ших в единый фронт политических сил. В частности, коммунисты трактовали курс, принятый Гоминьданом, как «три политические установки»: союз с СССР, сотрудничество с КПК и поддержка крестьян и рабочих. Однако в документах съезда присутствовала лишь формулировка о «допущении коммунистов в партию».

12 апреля 1924 г. Сунь Ятсен обнародовал «Общую программу строительства государства». Государственное строительство планировалось проводить в три периода: «1) период военного правления, 2) период политической опеки, 3) период конституционного правления».

В период военного правления все государственные институты должны были находиться под контролем военной администрации. В ходе «военного периода» предусматривалось взятие власти Гоминьданом в результате вооруженной борьбы (военный поход на Север Китая). В период «политической опеки» (воспитательный этап) предусматривалось господство диктатуры Гоминьдана, подготавливавшего конституционный строй. Когда же на территории большинства провинций полностью осуществится местное самоуправление, предполагалось созвать Национальное собрание, которому надлежало утвердить и обнародовать конституцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.